

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

*Нелли Гореславская
Виктор Чернов*

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Русский гений

Москва • Книжный мир • 2013

Нелли Гореславская, Виктор Чернов
ВАЛЕНТИН РАСПУТИН. Русский гений. (Серия «Русской славы имена») – М.: Книжный мир, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-8041-0587-8

5 марта 2012 года великому русскому писателю, общественному деятелю Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось 75 лет! О своей любви к России В.Г. Распутин убедительно свидетельствует своим служением искусству, мудрым словом и добрым делом.

Президент России Владимир Путин, поздравляя юбиляра, сказал: «Вас знают как яркого, самобытного писателя, признанного Мастера современной отечественной литературы. Все Ваши произведения проникнуты искренней, глубокой любовью к людям, к родной земле, ее истории, традициям. Эти книги, ставшие классикой, в полной мере отражают Вашу жизненную, гражданскую позицию и высоко оценены читателями – и в России, и далеко за ее пределами».

Книга известных писателей, биографов, членов Союза писателей России Нелли Гореславской и Виктора Чернова позволяет познакомиться с жизнью и творчеством автора, воспитывает любовь к великой русской литературе и истории, формирует чувство патриотизма.

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN 978-5-8041-0587-8

© Н. Гореславская, 2013
© В. Чернов, 2013
© Книжный мир, 2013

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

*Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.
Земля – корабль!*

Сергей Есенин

В одном из своих интервью Валентин Григорьевич Распутин сказал: «Земля – последнее, что у нас еще есть... Нет ничего дороже для человека, чем земля и вода. Где бы мы ни родились и ни выросли, мы приходим из того и от того, что дает нам своя родная вода и земля. Во всем – в облике, речи, привычках и так далее. Любовь к песне, стиху, душа наша – все от нашей земли».

И сам Валентин Григорьевич – лучшее подтверждение этих слов. Он – плоть от плоти Русской земли и душа его – от земли нашей. Видимо, потому и болит она неумемной болью

Валентин Распутин

в каждой строчке его произведений, что связана тысячами крепчайших нитей со своей Родиной и со своим народом. «Ах, как трудно и почетно быть на Руси писателем! Настоящим. Ему всегда и всех больнее. Он от веку обречен на мучения и подвиг духа, на совесть, взыскующую добра, на вечное стремление к идеалу. И, сжигая себя в муках творчества, в борении со словом и за слово, он обречен страдать больше всех и за всех, живущих на земле», – сказал о Распутине Виктор Астафьев.

«Литература – это летопись народа, народописание», – говорит сам писатель. Этому народописанию, летописи русского народа В.Г. Распутин посвятил всю свою жизнь. Мы глядим в его книги как в зеркало, всматриваясь в свои черты, стараясь понять, что потеряли и какими стали. «Кажется, он написал все свои книги для того, чтобы мы взгляделись в то, что было. То, что называлось русским человеком», – сказал о творчестве Распутина литературный критик Валентин Курбатов.

В 2012 году Валентину Григорьевичу исполнилось 75 лет. Сам писатель, как настоящий русский человек, скромно: «Сделано-то немного. Ведь за те годы, что я работал, можно было и в пять, и в десять раз больше сделать. Наверное, я буду еще писать прозу. Но хочется говорить покороче и главное».

Однако с момента начала его творческой деятельности прошло достаточно лет, чтобы мы могли понять, какое огромное значение его книги и даже просто его присутствие рядом с нами имеют для всех нас – для тех, кто любит Россию, кто, смеем надеяться, не попал под «увольнение», которое выписал «русским по паспорту» Валентин Григорьевич:

«Достоевский говорил: «Русский человек – православный человек». Раньше я видел тут какую-то нарочитость, позже стал относиться к этому иначе.

Особенно теперь, когда столько русских погибает с дури – не зная себя, не помня себя и не веря в себя. И может, никогда так и не побывав русскими. Ну записали им национальность, поставили печать в паспорте. А кроме этого они ведь ничем себя не показали русскими людьми.

Сейчас пришло время показывать лучшие качества русского человека: умение работать, умение постоять за себя, понимать, что происходит в стране, и защитить, когда потребуется, свою Родину. Это первые качества русских. Если они ими не обладают – я все-таки увольняю таких людей.

Нам нельзя жить с закрытыми глазами. Русские должны хорошо понимать, какая сила

выступает сейчас против России во всем мире и что можно ожидать от своих «друзей», которые могут оказаться опаснее врагов.»

Сейчас, когда наш общий корабль – Русская земля – находится «в плачевном состоянии», остается только сокрушаться, что

*Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.*

И один из устоявших в качке всеобщего разброда и шатания двух последних десятилетий – Валентин Григорьевич Распутин. Он из тех людей, которые, по словам А.И. Солженицына, произвели на рубеже 70-х годов XX века «беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова»:

«Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как позабыв о нём. ... Первый среди них – Валентин Распутин».

15 марта 1937 года в семье молодого работника райпотребсоюза из районного поселка Усть-Уда, расположенного на берегу Ангары на полпути между Иркутском и Братском, родился сын. Валентин Григорьевич Распутин рассказывал:

«Родился я в трехстах километрах от Иркутска, в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я – коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал... Словом, был как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьей, – ей забот, сколько помню, всегда хватало» («Вопросы литературы», 1976, №9).

Вскоре семья переехала в деревню Атанланку. Отец¹ заведовал почтовым отделением, мать² работала в сберкассе. Это место навсегда осталось в памяти писателя, поселилось в его сердце и стало прообразом многих и многих сибирских сел, появлявшихся на страницах его произведений – «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Живи и помни» – иногда почти под своим собственным именем: Атановка.

Мощь и простор сибирской природы, потрясающее чувство восторга, вызванное ею,

1. Распутин Григорий Никитич (1913–1974).

2. Распутина Нина Ивановна (1911–1995).

стали той материковой плитой, на которой выросла почва распутинской прозы, столь поражающая нас и своими проникновенными описаниями и Сибири – тайги, Ангары и, конечно, Байкала, – и людей, ее населяющих, прототипами которых стали жители Аталанки и других сибирских сел.

Река, прообразом которой была Ангара, и как символ, и как реальный географический объект, стала для В. Распутина главным атрибутом его произведений. «Я верю, что и в моем писательском деле она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел – и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из нее сознательного и материального чувства Родины», – вспоминал он.

Односельчане, окружавшие писателя в детстве, сыграли не меньшую, чем природа, роль в формировании мировоззрения Распутина, его убеждений, взглядов, характера.

О том, что за «среда» окружала ребенка и воздействовала на его душу, свидетельствует такой эпизод, о котором рассказывает сам Распутин: «Отец работал начальником почты, случилась недостача. Он ехал на пароходе, чтобы платить какие-то переводы, пенсии и т.д. Выпил, видимо, прилично выпил, у него

срезали сумку, где лежали деньги. Деньги небольшие, но тогда за эти небольшие деньги давали большие сроки. Отца забрали, а у нас дома – опись имущества. Какое имущество после войны? Лавки-табуретки. Но и это подлежало описанию и конфискации. Вся деревня унесла по своим избам всё, что у нас было, когда приехали описывать, описывать было совершенно нечего. Они что-то там написали и уехали. Потом деревня принесла нам даже больше, чем взяла. Вот какие были отношения. Выживали вместе, иначе не выжить было».

Так возникло понимание общины, общности, как первого и главного условия выживания не только отдельного человека, но и всего русского народа.

Начальное его детство совпало с Великой Отечественной войной. Жизнь стала трудной и полуголодной, характерной для миллионов подростков в послевоенной стране: «Мы жили вместе с бабушкой в одном доме, жили дружно, хоть и бедно. Была коровенка. Выручала тайга и река. Я дома не сидел. Если не в школе, то сразу же бегу или на реку, или в лес». «Труден был хлеб детства», – вспоминал писатель много лет спустя. Но трудное время давало не менее важные, чем школьные, уроки, основополагающие для творчества В. Рас-

путина. По словам писателя, «это было время крайнего проявления людской общности, когда люди против больших и малых бед держались вместе». Те взаимоотношения людей, которые он наблюдал в детстве, определяют в дальнейшем то, как ставит и разрешает писатель нравственные и социальные вопросы в своих произведениях.

В первый класс Аталанской начальной школы мальчик пришел в 1944 году. Война не помешала Распутину отлично учиться в школе и – читать, читать, читать. Он читал все, что попадало в руки: книги, журналы, газеты. Чтение стало с тех пор и навсегда образом жизни, работой над собой, соучастием, сотрудничеством в том деле, которое вершит автор: «Читатель сам должен участвовать в событиях, иметь к ним свое отношение и даже место в них, чувствовать прилив крови от уважения. Культура чтения тоже существует, но не все ею владеют». Русская классика – Толстой, Достоевский, Бунин, Лесков, Тютчев, Фет – была преобразована им в душе и на ее основе синтезировано то неподражаемое распутинское Слово, которое стало символом современной русской литературы.

В 1948 году Распутин «...перешёл в пятый класс». Но это было непросто: Аталанская

школа была четырехлетней, и чтобы продолжить образование, ребенку пришлось отправиться в Усть-Уду, за пятьдесят километров от родного дома. Ездить в такую даль каждый день на занятия было невозможно и не на чем. Но учиться хотелось. Как напишет потом В. Распутин, «до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первым». К тому времени будущий писатель стал не только самым грамотным учеником в школе, но и человеком в деревне – к нему часто обращались односельчане за помощью.

Было принято решение: перебираться в Усть-Уду, жить там, вдали от семьи, одному. Дальнейшее описано в рассказе «Уроки французского». Мать, Нина Ивановна, договорилась со знакомой в райцентре, что ее сын будет жить у нее. Накануне 1 сентября 1948 года на Подкаменной улице Усть-Уды из грузовика-полупортки вылез мальчик с большим узлом, в котором была свернута постель. Шофер дядя Ваня похлопал его по плечу, простился и сел за руль. Грузовик укатил. «Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь. Голод в тот год ещё не отпустил...», – пишет Распутин.

Раз в неделю из дома передавали хлеб и картошку, которые кончались каждый раз неожиданно быстро. Есть хотелось всегда.

А приходилось учиться, и учиться отлично, иначе он не умел: «Что мне оставалось? – затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было... Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня не выученным хоть один урок». Вот только иностранный язык не давался, «говорил по-французски на манер наших деревенских скороговорок», – сокрушался писатель впоследствии.

Усть-Удинскую среднюю школу В. Распутин закончил в 1954 году, в его аттестате были только пятерки. В том же году, успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом первого курса историко-филологического факультета Иркутского Государственного университета.

Мыслей о писательском поприще еще не было, и Распутин-студент, готовясь стать педагогом, много учился и много читал.

Тут, в Иркутске, уже осознанно проявилась его любовь к малой Родине, к реке, на берегах которой вырос. Потом, в очерке «Вниз и вверх по течению», Распутин опишет, как в студенческие годы не раз добирался домой из Иркутска на пароходе, шел по родной Ангаре, и все те четыреста километров, что отделяли его дом от столицы Восточной Сибири, наслаж-

дался душой: «Эти поездки всякий раз были для него праздником, о котором он начинал мечтать еще с зимы и к которому готовился со всей возможной тщательностью: копил деньги, выкраивая рубли из тощенькой стипендии, нарочно оставлял нечитанной самую лучшую, по слухам среди своего брата студента, книгу, подправлял как мог свою амуницию».

Жилось молодому студенту вдали от дома нелегко, но, заботясь о близких, сам зарабатывал деньги. И тут помогли увлечение чтением и хорошее знание литературы: Распутин стал писать статьи для радио и иркутской газеты «Советская молодежь».

30 марта 1957 года в ней появилась первая публикация Валентина Распутина – «Скучать совсем некогда». С этого момента журналистика на долгие годы стала его призванием. В «Советской молодежи» печатаются его статьи о студенческой жизни, о пионерах, о школе, работе милиции. Иногда Распутин подписывается псевдонимом «Р. Валентинов» или «В. Каирский», но чаще публикует работы под своим именем. Еще до окончания университета он был принят в штат газеты. Туда же пришел работать и будущий драматург Александр Вампилов, с которым В. Распутина связали близкие дружеские и творческие отношения.

Постепенно Распутин все больше и больше увлекается художественной прозой: «От фактографического очерка я переходил к рассказу; к увиденному и услышанному журналистом я стал как бы добавлять «от себя». Во мне словно проснулось авторское «Я».

Как результат, в 1961 году в альманахе «Ангара» (№1) появился первый рассказ Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лешки...». Рассказ начинался как очерк после одной из поездок Распутина в леспромхоз. Но, как мы узнаем затем от самого писателя, «очерк не получился – получился рассказ. Его сюжет соответствовал романтике восторженных 60-х, когда ждали построения коммунизма не позднее чем через двадцать лет.

О нем, грядущем коммунистическом обществе, размышляют герои рассказа, сопровождая своего приятеля, в больницу. На лесоповале упавшая сосна случайно задела парнишку, Лешку. Поначалу ушиб казался незначительным, но вскоре возникла боль, ушибленное место – живот – почернело. Двое друзей решили сопровождать Лешку до больницы – полсотни километров пешком. В пути ему стало хуже, он бредил, и друзья видели, что это уже не шутки, им стало не до отвлеченных разговоров о коммунизме, которые вели они до этого, ибо они поняли, глядя на муки

товарища, что «это игра в прятки со смертью, когда ищет смерть и нет ни одного надежного места, куда можно было бы спрятаться. Вернее, такое место есть – это больница, но до нее далеко, еще очень далеко».

Главный герой умер на глазах у друзей. И тут начинается преобразование привычной для советской литературы героики в размышления о том, что станет затем самым главным в произведениях писателя: о жизни и смерти, о том, что останется после нас на земле, и что там, за последней чертой, когда выйдет последний срок. Размышления о справедливости, памяти, судьбе: «Я неожиданно вспомнил о том, что еще забыл спросить Лешку, будут ли знать при коммунизме о тех, чьи имена не вписаны на зданиях заводов и электростанций, кто так навсегда и остался незаметным. Мне во что бы то ни стало захотелось узнать, вспомнят ли при коммунизме о Лешке, который жил на свете немногим больше семнадцати лет и строил его всего два с половиной месяца».

В первой половине 60-х годов В. Распутин работает редактором литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения, литсотрудником газеты «Крас-

ноярский рабочий», спецкором газеты «Красноярский комсомолец», пишет рассказы и очерки о молодых участниках великих строек Сибири.

В 1965 году произошло событие, определившее будущее молодого писателя: он принимает участие в Читинском зональном семинаре начинающих писателей, в числе руководителей которого были В. Астафьев, А. Иванов, А. Коптяева, В. Липатов, С. Наровчатов, В. Чивилихин. Здесь же состоялось его знакомство с В. Чивилихиным, которого Распутин считает своим «крестным отцом в литературе». В. Чивилихин не только отметил талант Распутина, но даже передал по телефону в «Комсомольскую правду» его рассказ «Ветер ищет тебя».

В 1966 году вышли сразу две книги В. Распутина: в Красноярске сборник очерков «Костровые новых городов», а в Иркутске – сборник очерков и рассказов «Край возле самого неба».

Очерки Распутина, поначалу проникнутые соцреализмом и комсомольской романтикой шестидесятых, постепенно меняют настрой, в них проникают лирические мотивы, начинает превалировать интерес к внутреннему миру человека. Народ – строитель коммунизма, покоритель «дикой природы», все чаще уступа-

ет в них место отдельной личности, а комсомольский задор – реальным будням.

Фактографичность и документальность сменяется философскими размышлениями о жизни и смерти, уходит тема преобразования природы и появляются мысли о вечном, о том, что жизнь не кончается смертью. Мысли эти, облеченные в образы, соответствующие советским идеологическим установкам, между тем весьма ясно видны в творчестве В. Распутина того периода. В очерке «Возвращение» (1965), например, воскресает герой Великой Отечественной войны Александр Матросов, пришедший на помощь «строителям коммунизма», возводящим город Дивногорск.

В это же время появляются в творчестве Распутина столь характерные для него впоследствии образы «мудрых старух» – в сборнике «Край возле самого неба», в рассказах о тофаларах, небольшом племени, живущем в Саянских горах («Продолжение песни следует», «Эх, старуха»). И здесь же впервые Распутин обращался к мифу, фольклору, к миру ушедших, используя в своих рассказах поверья, заклинания, воссоздавая разговоры живых и мертвых.

Все чаще его героями становятся внешне простые люди с отнюдь непростым внутрен-

ним миром («В Саяны приезжают с рюкзаками»). Таким людям трудно понять, почему люди воюют («Продолжение песни следует»), откуда берется разобщение природы и человека («От солнца до солнца»), для

них самым важным в жизни является духовное общение («На снегу остаются следы»).

Главная героиня рассказа «И десять могил в тайге», старуха-тофаларка которая «четырнадцать раз рожала, четырнадцать раз платила за муки кровью, у неё было четырнадцать детей – своих, родных, маленьких, больших, мальчиков и девочек, парней и девок. Где твои четырнадцать детей?.. Двое из них остались в живых... двое из них лежат на деревенском кладбище... десять из них разбросаны по саянской тайге растащили звери их кости». Уж все о них и позабыли – сколько лет минуло;

все, но не она, не мать; и вот она вспоминает каждого, пытается вызвать их голоса и раствориться в вечности: ведь пока кто-то хранит погибшего в своей памяти, не разорвется тонкая, призрачная, нить связующая эти разные миры воедино. Как только выдержало её сердце те смерти! Она вспоминает каждого: этот, четырёхлетний, упал со скалы на её глазах – как она тогда кричала! Этот двенадцатилетний, умер у юрты шамана оттого, что не было хлеба и соли; девочка замёрзла на льду; ещё одного придавило во время грозы кедром...»

Все они живы, потому что сохранились в ее памяти, и, может быть, сама она живет именно потому, что «оставалась их матерью, вечной матерью, матерью, матерью». Жизнь ее детей продолжается в ее внуках, которых она называет именами умерших детей. Образ тофаларки сливается с другим образом, столь характерным для многих народов – образом Матери с большой буквы, Великой Матери, подательницы и охранительницы жизни на земле.

Другая героиня – шаманка из рассказа «Эх, старуха...», – в какой-то мере, прообраз старухи Анны из повести «Последний срок». Вообще, каждая такая героиня Распутина – соединительное звено в цепи человеческих поколений. Старуха-шаманка «выполнила свой

человеческий долг... её род продолжался и будет продолжаться; она в этой цепи была надёжным звеном, к которому прикреплялись другие звенья». Но она несчастна – несчастна потому, что боится: ее шаманство, которое для нее уже и не ремесло вовсе, а часть традиции, без которой не будет ее племени, может умереть вместе с ней. Ее мучит перед смертью мысль о том, что она не сможет передать свой дар дальше: «Человек, заканчивающий свой род, несчастен. Но человек, который похитил у своего народа его старинное достояние и унёс его с собой в землю, никому ничего не сказав, – как назвать этого человека?..»

Все больше авторского видно в творчестве Распутина, все сильнее заметен отход от публицистичности к художественной литературе и психологизму («Края возле самого неба», «Человеке с этого света», «Мама куда-то ушла»).

В 1967 году опубликован его рассказ «Василий и Василиса», посвященный трагедии отчуждения двух людей. Эта история была воссоздана с удивительным тактом и осторожностью, психологической тонкостью и достоверностью. Сквозь грустную историю разрушения семьи просвечивала в отдельных деталях история послевоенной жизни русской деревни.

В 1967 году В. Распутин был принят в Союз писателей СССР.

Его статьи появляются в столичных и заграничных изданиях, рассказы писателя публикуются в журналах «Паделью Яу Натне» (Рига), «Кобета рад зеца» (Польша), «Тарибине мотерс» (Вильнюс), «Младеж» (София), «Культура» (Варшава) и др.

В том же году в альманахе «Ангара» (№4) опубликована повесть «Деньги для Марии», которую сам Распутин считает началом самостоятельной творческой работы. В 1968 она появилась отдельным изданием с послесловием Ф. Кузнецова «Писатель родился». А в 1970 в журнале «Наш современник» (№ 7, 8) напечатана повесть Распутина «Последний срок», которая принесла широкую известность автору.

Очерковая повесть «Вниз и вверх по течению» (1972), во многом автобиографичная, герой которой – писатель Виктор – совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства, была практически не замечена критикой, но стала решающей для формирования мировоззрения писателя. Впервые здесь звучат апокалиптические мотивы, во многом порожденные темой проти-

востояния человека природе. С тех пор тема потопа – наказания за грех борьбы с матерью-природой – становится сквозной в творчестве Распутина.

В 1973 появляется в печати один из лучших рассказов Распутина – «Уроки французского», посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А. Вампилова. А в следующем году в журнале «Наш современник» (№ 10, 11) была напечатана повесть Распутина «Живи и помни» – одно из лучших произведений русской прозы второй половины XX века. Повесть о женщине (к женскому образу, образу матери и жены, писатель будет затем обращаться не раз) критиками была воспринята как повесть о дезертире. Внешнее и условное оказалось для них важнее внутреннего и главного.

Повесть «Прощание с Матёрой» (1976) стала апофеозом распутинского Откровения, в котором он предвидит и описывает конец не только одной сибирской деревни, но и гибель современной цивилизации, чье самоубийственное стремление к научно-техническому прогрессу обернется огнем и потопом.

В конце 1970-х – начале 1980-х Распутин обращается к публицистике («Поле Кулико-

во», «Абстрактный голос», «Иркутск с нами» и др.) и рассказам. В журнале «Наш современник» (1982, №7) напечатаны рассказы «Век живи – век люби», «Что передать вороне?», «Не могу-у...», «Наташа», открывающие новую страницу в творческой биографии Распутина. В отличие от ранних рассказов, в центре которых была судьба или отдельный эпизод биографии героя, новые «отличаются вниманием к тончайшим и таинственным движениям души, которая мечется в поиске гармонии с собой, миром, Вселенной». А. Адамович писал о них: «Новое, действительно новое здесь – подчеркнутое чувство реальности происходящего. Реальность страстно утверждаемой художником нашей человеческой неисчерпае-

Валентин Распутин. 1981 г. Североморск

мости... Человек в них – существо, себя самого удивляющее – глубинами, просторами, которые в нем сокрыты. И вдруг распаивается существо светонесущее» («Литературная газета», 1982. 1 сент.). «Здесь новый уровень общения людей, – утверждал В. Крупин, – здесь душа с душою говорит» (Литературная Россия. 1983. №1). В 1985 году опубликована философско-публицистическая повесть Распутин «Пожар», которая перекликается с «Прощанием с Матерью» своей апокалиптической.

В это же время Валентин Григорьевич стал одним из инициаторов кампании за спасение Байкала от стоков Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, а затем активно выступал против проекта поворота северных и сибирских рек (проект был отменен в июле 1987 году).

Долгое время В. Распутин не обращает к художественному творчеству, работает как очеркист и публицист. В конце 1980 – начале 1990-х появляются его очерки о Сибири («Байкал», «Вниз по Лене-реке»), размышления о «Слове о полку Игореве» («Диалог с Д.С.Лихачевым»), о Сергии Радонежском («Ближний свет издалека»), о религиозном расколе в России («Смысл давнего прошло-

го»), известное «Слово о патриотизме», статьи о творчестве В. Шукшина и А. Вампилова и др. В середине 1990-х в журнале «Москва» и «Наш современник» опубликованы новые рассказы писателя («В ту же землю...», «Женский разговор», «По-соседски», «В больнице», «Изба», «Видение» и др.).

Любимые герои Распутина – пожилые, соvestливые люди – пытаются осмыслить новую жестокую реальность, которая представляется им страшной и трагической. Годы перестройки, рыночных отношений и безвременья сместили порог нравственных ценностей. Люди ищут и оценивают себя в непростом современном мире.

Валентин Григорьевич тоже оказался на распутье. Он пишет мало, потому что бывают времена, когда молчание художника тревожнее и созидательнее слова. В этом весь Распутин, ведь он по-прежнему чрезвычайно требователен к себе. Особенно во времена, когда в «герои» выдвинулись новые русские буржуа, братки и олигархи.

В 1986 году Распутин был избран секретарем правления Союза писателей СССР и секретарем правления Союза писателей РСФСР.

Сначала Перестройки В.Г. Распутин включился в широкую общественно-политическую деятельность.

В 1987 году вместе с В.И. Беловым и Ю.В. Бондаревым опубликовал в «Правде» письмо об опасности распространения рок-музыки. На съезде Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в начале 1988 года, осудил кампанию в прессе, направленную против Патриотического объединения «Память». В ноябре 1988 года В. Распутин подписал «Обращение» группы деятелей культуры национально-патриотической ориентации с призывом к созданию Товарищества русских художников (ТРХ) и в марте 1989 принял участие в его учредительном собрании.

В 1987 году писателю присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1989 году В.Г. Распутин был избран народным депутатом СССР. Был членом Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов, членом Мандатной комиссии Съезда народных депутатов СССР.

На I Съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 года в связи с высказываниями прибалтийских депутатов, требовавших большей самостоятельности для своих республик, выступил с риторической угрозой, что из СССР может захотеть выйти Россия, которую затем недобросовестные журналисты пытались

представить как, якобы, призыв к выходу РСФСР из Союза.

В октябре 1989 года принял участие в создании недолго существовавшего Клуба избирателей и депутатов «Россия», организованного депутатами консер-

вативной ориентации в противовес Межрегиональной депутатской группе. На II Съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 года голосовал против внесения в повестку дня вопроса об отмене статьи 6 Конституции, предусматривавшей руководящую роль КПСС.

В марте 1990 года, после избрания на III Съезде народных депутатов М. Горбачева Президентом СССР, Распутин был указом Президента назначен членом новоизбранного Президентского Совета СССР (оставался им до ноября 1990 года, когда Президентский Совет был распущен в связи с созданием Совета Безопасности, в который Распутина не включили).

Комментируя в позднейшей беседе с В. Бондаренко этот эпизод его жизни, В. Распутин заметил:

«Моё хождение во власть ничем не кончилось. Оно было совершенно напрасным. ... Со стыдом вспоминаю, зачем я туда пошел. Моё предчувствие меня обмануло. Мне казалось, что впереди еще годы борьбы, а оказалось, что до распада остались какие-то месяцы. Я был как бы бесплатным приложением, которому и говорить-то не давали».

Во время выборов Президента России в июне 1991 года был доверенным лицом Н. Рыжкова.

В.Г. Распутин занимал последовательную антилиберальную позицию, он подписал, в частности, антиперестроечные письмо с осуждением журнала «Огонёк» («Правда», 18.01.1989). Крылатой формулой контрперестройки стала процитированная В. Распутиным в выступлении на I Съезде народных депутатов СССР фраза П. А. Столыпина: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия».

2 марта 1990 года в газете «Литературная Россия» было опубликовано «Письмо писателей России», адресованное Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР и ЦК КПСС, где, в частности, говорилось:

«В последние годы под знаменами объявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище – многомиллионные по тиражам периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну. Происходит беспрецедентная во всей истории человечества массированная травля,

шельмование и преследование представителей коренного населения страны, по существу объявляемого «вне закона» с точки зрения того мифического «правового государства», в котором, похоже, не будет места ни русскому, ни другим коренным народам России».

В.Г. Распутин был среди 74 литераторов, подписавших это обращение.

23 июля 1991 года в газете «Советская Россия» появилось обращение «Слово к народу», адресованное, в первую очередь, к армии. Впоследствии это обращение стали рассматривать как идеологическую платформу произошедшей через 27 дней после его опубликования, 19-21 августа 1991 года, попытки восстановить Советскую власть (так называемый Государственный комитет по чрезвычайным

му положению
(ГКЧП):

« Р о д и н а ,
страна наша,
государство ве-
λικое, данное
нам в сбере-
жение исто-
рией, приро-
дой, славными
предками, гиб-
нет, ломается,
погружается во
тьму и небытие.

И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии...

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей? ... Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с че-

тырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?

...Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губельного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.»

Трое из двенадцати подписавших это обращение – Валентин Варенников, Василий Стародубцев и Александр Тизяков – проходили по делу ГКЧП. Среди подписавших обращение были Юрий Бондарев, Геннадий Зюганов, Александр Проханов. Среди подписавших письмо был и Валентин Распутин.

В феврале 1992 года на учредительной конференции Русского Национального Собора избран сопредседателем РНС (наряду с А. Стерлиговым и В. Федоровым). На первом

Соборе (съезде) РНС переизбран сопредседателем (наряду со Стерлиговым, Г. Зюгановым и П. Романовым). В октябре 1992 года вошел в оргкомитет Фронта Национального Спасения (ФНС), преобразованного 24 октября на учредительном Конгрессе в Политсовет ФНС. Вместе с Г. Зюгановым, А. Макашовым, А. Баркашовым и некоторыми другими членами Думы ФНС подписал Заявление, осуждавшее генерала А. Стерлигова за отказ присоединиться к ФНС. Тем не менее, в ноябре 1992 года В.Г. Распутин заочно был избран в сформированный

*Валентин Распутин.
70 лет
(Фото Бориса Дмитриева)*

Стерлиговым исполкомом РНС.

На президентских выборах 1996 В. Распутин поддерживал кандидатуру Г. Зюганова.

На учредительном съезде Народно-патриотического союза России (НПСР) 7 августа 1996 года Валентин Григорьевич был избран чле-

ном Координационного Совета и членом Президиума КС НПСР.

4 мая 2000 года В.Г. Распутину была вручена премия имени А. Солженицына. Александр Исаевич в своей речи, написанной по этому случаю, отметил характерные черты литературного творчества Распутина:

«...во всём написанном Распутин существует как бы не сам по себе, а в безраздельном слитии:

- с русской природой и
- с русским языком.

Природа у него – не цепь картин, не материал для метафор, – писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть её. Он – не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно, тому множество примеров, здесь их не привести. Драгоценное качество, особенно для нас, всё более теряющих живительную связь с природой.

Подобно тому – и с языком. Распутин – не пользователь языка, а сам – живая непроизвольная струя языка. Он – не ищет слов, не подбирает их, – он льётся с ними в одном потоке. Объёмность его русского языка – редкая среди нынешних писателей. В «Словарь языкового расширения» я от Распутина не мог

включить и сороковой части его ярких, метких слов».

И – «надо всем сказанным здесь мы не упустим и такие качества Валентина Распутина, как сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткую совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни»¹.

Десять лет спустя после появления обращения «Слово к народу», 14 августа 2001 года, «Советская Россия» опубликовала обращение «Остановить реформы смерти!», в котором «Слово к народу» называется «пророческим». В новом обращении, помимо критики либеральных реформ, содержались призывы к президенту Владимиру Путину и сотрудникам спецслужб избавляться от ельцинского окружения, перехватывая рычаги власти:

«Не питая иллюзий по поводу возможностей и внутренних установок президента Путина, мы тем не менее снова и снова побуждаем его сбросить с себя страшный груз ельцинизма, освободиться от ненавистного народу ельцинского окружения – этих волошиных, фридманов, абрамовичей, которые, как жернова, утягивают его в пучину бед. Призываем вырвать штурвал государства у дилетан-

1. Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 г.

тов Кудрина, Грефа, загоняющих экономику в штопор. Пусть нанесет решительный удар по теневикам и мафиозным политикам, расщепит олигархический узел, как это удалось ему в случае с Гусинским и Березовским. В этом решительном, достойном национального лидера деянии он сможет опереться на большинство народа, на его дееспособные, нравственные, патриотические силы. ...Работники спецслужб, «чекисты», которые вслед за Путиным пришли к управлению страной, внесли в политику государственную волю, бескорыстие, идею служения, задыхаются от гнилостных ельцинских кадров, отравляющих институты государства. Они станут несомненными союзниками патриотов в «кадровой революции», в исцелении больного государства».

Обращение «Остановить реформы смерти!» подписали 43 человека, в том

*На съемках фильма
«Река жизни»*

числе лауреат Нобелевской премии Жорес Алфёров, писатель Юрий Бондарев, главный редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко, ректор Литературного института Сергей Есин, член-корреспондент РАН Сергей Глазьев, народный артист России Николай Губенко, лидер КПРФ Геннадий Зюганов, председатель комитета Госдумы Анатолий Лукьянов, председатель комитета Госдумы Иван Мельников, генерал армии и бывший министр обороны, депутат Госдумы Игорь Родионов, летчик-космонавт, депутат Госдумы Светлана Савицкая, руководитель Агропромышленной депутатской группы Госдумы Николай Харитонов.

*На съемках фильма
«Река жизни»*

Среди подписавших обращение также был и Валентин Григорьевич Распутин.

В середине 2000-х годов В. Распутин пишет ряд произведений, из которых наиболее заметной стала повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» («Наш современник», 2003, №11), в центре которой образ сильной русской женщины – Тамары Ивановны Воротниковой, вынужденной волею обстоятельств взять в руки отцовский обрез и застрелить насильника своей несовершеннолетней дочери.

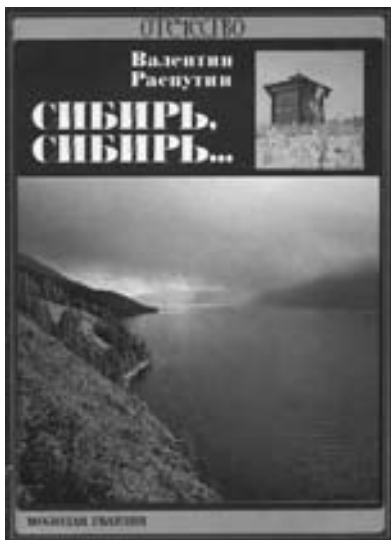
Писатель все больше обращается в своем творчестве к вопросам национальных отношений, патриотизма, православной веры.

26 июля 2010 Валентин Григорьевич Распутин входит в Патриарший совет по культуре Русской православной церкви.

15 марта 2012 года страна отметила 75-летие Валентина Григорьевича. Владимир Путин поздравил в телефонном разговоре великого русского писателя с юбилеем, а в тексте поздравительной телеграммы, также направленной в адрес юбиляра, в частности, говорилось: «Вас знают как яркого, самобытного писателя, признанного Мастера современной

отечественной литературы. Все Ваши произведения проникнуты искренней, глубокой любовью к людям, к родной земле, ее истории, традициям. Эти книги, ставшие классикой, в полной мере отражают Вашу жизненную, гражданскую позицию и высоко оценены читателями – и в России, и далеко за ее пределами».

В телевизионном эфире прошел показ документальных фильмов о жизни и творчестве писателя. Телеканала «Россия – Культура» приурочил к его дню рождения показ документального фильма «Река жизни. Валентин Распутин» и художественных лент «Живи и помни», «Прощание», «Уроки французского».

Валентин Григорьевич – верный сын земли русской, защитник ее чести. Его талант сродни святому источнику, способному утолить жажду миллионов россиян.

Живя в единении с природой,

писатель по-прежнему глубоко и искренне любит Россию и верит, что ее сил хватит для духовного возрождения нации.

О главном говорит каждое произведение Распутина. Его читают не только в России, но и во Франции, Испании, Китае... Альбом очерков «Сибирь, Сибирь» – самая читаемая русская книга в Америке. Валентина Распутина называют «неспокойной совестью российской деревни». А как жить не по совести, Валентин Распутин не знает и не хочет знать.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

«А что будет здесь через сто лет, на этой земле? Какие города будут стоять? Дома какие? Лица? Лица какие будут у людей? Нет, ты скажи мне, для чего живешь?» – такие вопросы задают герои знаменитой повести Распутина «Прощание с Матёрой», но за ними, конечно, виден сам автор, для которого вопрос и о будущем каждого человека, и о будущем всего человечества – один из важнейших.

Понимаем ли мы, что рядом с нами – живой классик, и, как всякий великий русский писатель, пророк, которому на роду написано «глаголом жечь сердца людей»?

О пророческом даре писателя говорят многие, знающие его. «Распутин из тех прозорливцев, которым приоткрываются слои бытия, не всем доступные, и не называемые

им прямыми словами», – отмечал Александр Солженицын. «Распутин всегда был чутью мистическим писателем», – писали критики.

Иногда его встречают на улице и спрашивают: «Скажите, что делать?»

И это не удивительно, если вспомнить, что именно Валентин Григорьевич более двадцати лет назад был одним из немногих, кто предвидел развал СССР и его трагические последствия.

«...сегодня вопрос: жива ли еще Россия, существует она в том народном теле и отеческом соборе, которые необходимо вкладывать в это понятие, – задавать такой вопрос уже не имеет смысла. Вчера имело, сегодня нет. Она пострадала больше, чем предсказывали самые мрачные прогнозы: как держава, носившая это имя, она на грани развала; как национальное образование в межнациональном единстве она тяжело поражена равнодушием к ней и ее непониманием, внутренними раздорами и эгоизмом; как божественный звук, заставлявший некогда каждого россиянина перекреститься, утрачена; как кладезь неисчислимых богатств – на девять десятых исчерпана; как духовная собирательница – защитница славянства – осмеяна и смещена...

и на своих собственных землях не смеет она защитить русского... но обессиленная, разграбленная, захватанная грязными руками, обесславленная, проклинаемая, недопогибщая – все-таки жива.

Если схватились из-за нее опять так, что искры летят, значит, есть из-за чего схватываться. Сегодня она больше жива, чем в недавние времена своей изнурительной могущественности, потому что вынула из тайников национальные святыни, слабостью и отверженностью вызвала к себе сострадание и любовь, и против слетающих на нее с карканьем ворон начинают собираться отряды, готовые защитить Россию...»

Поражение России ведет к невероятным бедам не только для нее самой и для русского народа, но и для других народов СССР:

«...Союзу без России не быть, едва ли кто-нибудь в этом сомневается. Это она в течение нескольких столетий собирала народы и земли под свою опеку и власть, она дала имя державе и являлась стеновым ее хребтом. Она была тем, к чему крепилось ее сочленение, а не тем, что крепилось наряду с другими к чему-то совершенно отдельному. Когда организм здоров и все его части действуют четко и взаимосвязано, нам и в голову не приходит

расставлять их по значимости, каждая друг перед другом и все вместе они равны и равно необходимы для нормального функционирования. Но от этого роль каждой части не может измениться или подмениться. И потому, если

бы заблагорассудилось России выскользнуть из складывавшегося веками государственно-го телосложения, неминуемо развалилось бы все остальное.

Развал есть развал, никому он выгоды принести не может. Уже самое слово предупреждает о последствиях. Те межреспубликанские двоения и троения, которые способны появиться на обломках Союза, долго на свободном выпасе не продержатся, и вынуждены будут искать новое пристанище. Уйти просто на отруба, чтобы вести самостоятельное хозяйство, без хорошего запаса в кар-

мане нынче не удастся. И ахнуть не успеют наши братья, как окажутся кто с Германией, с ее мощной экономикой, кто с Польшей, с ее мощным католическим духом, кто с Турцией или с Ираном...»

И у этой трагедии, прежде всего, духовные корни. Писатель видит причину всеобщего развала и разврата в «разорении души»:

«...Народ пошел в церковь от усталости и от отчаяния от внушенного ему официального суеверия. Душа дальше не выдержала идолопоклонства и беспутья. Россия медленно приходила в себя от наваждения, во время которого она буйно разоряла себя, и вспомнила дорогу в храм. Но вспомнить дорогу в храм – еще не значит пойти по ней; если бы Россия была верующей, то и тон наших размышлений о ней был бы иным. Она, быть может, только готовится к вере. Времена разорения души даром не прошли; проще восстановить разрушенный храм и начать службу, чем начать службу в прерванной душе. В ней нужно истечь собственному источнику, чтобы напитать молитву, которая, прося даров, могла бы поднести и от себя. Но то, что источники эти пересекаются сквозь засуху, сомнений не вызывает, и запаздывают они лишь к страждущим, которые, страждая, не знают, чего хотят...»

А впереди маячит еще большая опасность – гибель не только большого Союза, но и самой России:

«Перекраивать сейчас государственные границы опасно как для тех, кто собирается оставить Союз, так и для их потенциальных усыновителей. Разделительные линии между республиками сплошь и рядом проводились в свое время где произвольно, не попадая в следы этнического прошлого, а где самовластно, не считаясь с этническим настоящим. В условиях братства, которое собиралось быть вечным и во имя которого внутренние границы вообще предполагалось в скором времени стереть, это особого значения не имело, но как только на братстве появились трещины, начались, как известно, и конфликты, доходящие до побоищ. Если дойдет до отделения – не миновать, во-первых, разногласий по поводу своей будущей судьбы разных народов в пределах одной республики, а во-вторых, и это самое страшное, не миновать территориальных притязаний соседей друг к другу.

Едва ли не каждая республика на меж-национальной и межрегиональной основе способна превратиться в Ливан. Десятки миллионов россиян, осевших на окраинах при выполнении «братского долга», также не захотят оказаться, не сходя с места, на чужбине и

потребуют заступничества. Несть числа будет взаимным обидам, притязаниям и счетам и несть числа будет жертвам и бедам, которые они за собой повлекут...

...России ... грозят те же самые беды. Она вся в швах, соединяющих национальные лоскуты, вся в языках и наречиях. Начавшийся на союзных окраинах зуд расчленительства и самости удержать на российских границах не удастся, он, как холера, перекинется на юг и север, в Поволжье и Сибирь. Дальнейшее можно не дорисовывать. Плакало тогда так и не раскрытое российское могущество, на многие счета разобьются ее немереные просторы, в прах пойдет великое наследство отцов и дедов. То, что не удалось ни одному завоевателю, ни одному хитрому, Россия в горячечном припадке разделов и споров свершит сама.»

Не секрет для писателя и то, кто поставил страну на грань развала. Бездуховность, атеизм, цинизм либеральной интеллигенции, расшатывающей общую лодку ради своих личных амбиций, привели к тому, что власть захватили уже откровенные уголовники и беспредельщики:

«...Радикальная интеллигенция в последнее время, кажется, начинает понимать необходимость поостыть – во имя собственного же

спасения, но, во-первых, нутро, питающееся духом нигилизма, не пускает, а во-вторых, уже не ей принадлежит право выбора. Его перехватила вызванная ею сила из отечественного беспредела, которую и сами учителя вынуждены со страхом называть чернью. Она чернь и есть, но не по социальному положению, а по духовному крапивничеству, по авантюризму, деятельному злу и политическому мошенничеству. Ей любое море по колено, любая опасность нипочем. Уголовник, ставший «народным» избранником в органы власти и занявший кабинет своего судьи, – один ее образ; услужливый темным страстям и глумливый над моралью журналист – другой. Для культурной интервенции распахнуты все ворота...

Еще десятки лет назад звучали предупреждения (конечно, негласные) о последствиях массового подневолья, которое в условиях массового атеизма, без христианского чувства прощения грозит тяжкими плодами цинизма и злобы. Сегодня мы пожинаем их небывалым урожаем...»

Однако, считает Валентин Григорьевич, ситуация не безнадежна, возрождение России возможно – если будет национальная идея и национальная власть, которая сможет

мобилизовать народ и повести его к освобождению:

«...Сегодня нет тайны в том, что считать за возрождение России, хотя и пытаются возрождение подменить перерождением: духовным, культурным и экономическим пленением. Отвалившись от давившего до беспродыха валуна власти, она как никогда близка к национальной мобилизации и выздоровлению. И от этой близости и досягаемости – как никогда далека. Едва поднявшись с колен, она обнаружила, что находится на узком гребне, по обе стороны от которого разверзаются пропасти. Влево скользнешь – голову сломишь, и вправо – себя не узнаешь. Завистники чужой жизни и запродажники, а также рвущиеся оседлать ее беси из нутра новой революционной интеллигенции, раскачивают Россию из стороны в сторону; каждое движение ее по гребню к спасительному расширению вызывает дружные возмущенные вопли. «Что-то будет» – этим встречает, нас каждое утро и провожает каждый вечер. Дойдет ли? Не оборвется ли всего в двух-трех шагах от желанной воли? А если оборвется и попадет в лапы цивилизованных шкуродеров – новой изнанки, нового вытаптывания и выламывания ей не выдержать. Тогда можно заказывать поминки».

Спасение России зависит от каждого из нас, убеждает писатель, мы должны измениться нравственно, духовно возродиться, чтобы возродилась страна:

«...Не чудес следует ждать от России, которые бы всех утешили и ублажили, откуда их взять ей, и великим даром само по себе надо считать, что она еще жива; как и она не может рассчитывать на скорое недеятельное чудо от нас, но больше всего она нуждается в нашей милосердии, в том, чтобы по крупице и капле принесли мы ей свою преданность, веру, любовь, труды, чистоту помыслов и чистоту жизни, разделили бы между собой ее страдания, поклонились бы за ее мученичество, встали крепкой защитой против бесов, истязавших ее плоть и дух. ...При определении своей судьбы нам надо не только отталкиваться от общего прошлого, но искать, на что мы можем опереться в будущем, – там впереди просматривается союз отечеств, ухоженных национальностей радением, и свободных настолько, сколько нужно свободы для неутеснения иного развития, под небом единого Отечества, свершающего справедливость, защиту и совет...»

Сказанное 20 лет назад не утратило актуальности и сейчас. Более того, ситуация стала

во много раз хуже. «Новый мир», отнюдь не прекрасный, возникший после развала Советского Союза, о котором предупреждал Распутин, «...по-прежнему уничтожает Россию и ее корни – деревню... уничтожает не по-прежнему, а с удесятеренной силой, – говорит Валентин Григорьевич в интервью одной из иркутских газет. – Было время, когда деревни обновлялись, люди стали жить лучше. А теперь полный развал. И если этот новый хозяин придет, то станет сразу дворцы какие-нибудь строить... и будет покупать землю, если уже не покупает. А это самое страшное, и это нам еще предстоит. Наша земля очень лакомая, она будет скупаться буквально в ближайшие годы. И это последнее, что у нас еще есть... Нам нельзя жить с закрытыми глазами. Русские должны хорошо понимать, какая сила выступает сейчас против России во всем мире и что можно ожидать от своих «друзей», которые могут оказаться опаснее врагов».

«Наше Отечество корчится в муках. И вот что удивительно, хотя у него есть мудрые и деятельные сыны и дочери, но их дело не подхватывается так, как того требует все более острая и драматическая обстановка в России. Что мешает? Разобщение лучших людей России. Нам вредят амбиции, обиды, непре-

менное отстаивание своей точки зрения, неумение слушать других, каждый хочет быть лидером... А сейчас главное – забыть все, что разъединяет, подавить любое недружелюбие, взяться тепло за руки и отводить Отечество от гибели. Нужна всеобщая миротворная жертва. Она более трудна, чем жертва на поле сражения. Но мы должны ориентировать русский народ на это.

Наши потомки будут жить лучше нас и наших предков при условии, что мы подготовим добротную почву. ...

Наш народ – добрейший народ. Он житейски мудр, трудолюбив, в нем есть тяга к святости. Но далеко не все русские были и есть верующие. Душу нашу «проматывали» долго и разными путями. Ее созревание прервали. Освободиться от безверия – этому надо помогать и литературой, и всей нашей православной культурой. Но и этого мало. Мы все должны стать национально-воспитанными, просвещенными и образованными. Надо поставить заслон невежеству, укрепить наш природный ум наукой...» (Восемь дней с Валентином Распутиным).

Но снова мало кто прислушался к словам пророка, болеющего за свое Отечество.

Вера в Россию и в свой народ не оставляет Валентина Распутина никогда. Директор учебно-методического Центра этнонационального образования Российского государственного педуниверситета им. А. Герцена, создатель Всероссийского движения «Русская современная школа», профессор Иван Федорович Гончаров, участвовавший вместе с писателем в празднике русской духовности и культуры «Сияние России», ежегодно проводимом в Иркутске, вспоминает, как прощаясь с ним, Распутин произнес: «Конец нашей истории не близится. Мы просто переживаем чудовищный кризис... Преодолеем... Нам нужно вновь обрести способность защищаться, надо расширять патриотическое поле. И пусть знают внутренние и внешние враги, что с русским народом шутки плохи. Ушла в небытие не одна «непобедимая» армия перед физической и духовной мощью народа-богатыря».

«ПЕВЕЦ КРЕСТЬЯНСКОЙ АТЛАНТИДЫ»

Переоценить значение Валентина Григорьевича Распутина для русской литературы невозможно. Известнейший исследователь творчества В.Г. Распутина, Петр Петрович Каминский в своей книге «Время и бремя тревог: публицистика Валентина Распутина» писал:

«Валентин Григорьевич Распутин – одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX в. Как писал С.П. Залыгин, «Валентин Распутин вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега и как истинный мастер художественного слова, а повторять, что произведения его значительны, что, минуя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о нынешней русской и всей советской прозе, нет, очевидно, никакой необходи-

мости». Третья по счету Солженицынская премия была присуждена именно В. Распутину, А.И. Солженицын связал с именем писателя тот переворот в литературе, который заключался в возрождении традиционной нравственности».

Действительно, в своей речи на вручении премии А.И. Солженицын высоко оценил творчество Валентина Григорьевича и его место в русской литературе, назвав его первым среди знаменитой плеяды известнейших писателей второй половины XX – начала XXI века:

«На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б никакого «соцреализма»

*Александр Исаевич вручает
Валентину Григорьевичу
уникальную папку лауреата.
(Фото Дениса Тамаровского)*

не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как бы позабыв о нём. В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками – ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушённая вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью.

Едва ли не половину этой писательской группы мы теперь уже схоронили безвременно: Василия Шукшина, Александра Яшина, Бориса Можаева, Владимира Солоухина, Фёдора Абрамова, Георгия Семёнова. Но часть их ещё жива и ждёт нашей благодарной признательности. Первый среди них – Валентин Распутин».

Можно в чем-то соглашаться или не соглашаться с Александром Исаевичем в его оценке советской литературы в целом, но, без

сомнения, Солженицын прав, когда указывает на узость понятия «деревенщики». Место действия всех перечисленных им писателей отнюдь не ограничивается деревней. Они – исследователи душ человеческих, того микрокосма, который является отражением окружающего мироздания, как проявления души Того, Кто неизмеримо выше всего, существующего в этом мире. И нравственность человеческой души определяется тем, насколько она соответствует идеалу, заложенному Творцом в сотворенное им бытие.

И деревня в творчестве «деревенщиков» – символ, та крупица божественного творения, которая еще сохранилась среди всемирного потопа пошлости и богооставленности. Год за годом все глубже и глубже погружается она в мутные воды этого потопа и вот к началу XXI века сохранилась уже только как смутный образ на страницах прекрасных русских книг – все захлестнул апокалиптический океан «нового мирового порядка», чей символ – доллар – заменил современному человеку и дух, и душу, и совесть.

У Александра Ивановича Куприна есть рассказ «Река жизни». Герой его, студент-самоубийца размышляет перед смертью:

«Ах, я думаю, что ничто в мире не пропадает, – ничто! – не только сказанное, но и подуманное. Все наши дела, слова и мысли – это ручейки, тонкие подземные ключи. Мне кажется, я вижу, как они встречаются, сливаются в родники, просачиваются наверх, стекаются в речки – и вот уже мчатся бешено и широко в неодолимой Реке жизни. Река жизни – как это громадно! Все она смоем рано или поздно, снесет все твердыни, оковавшие свободу духа. И где была раньше отмель пошлости – там сделается величайшая глубина героизма. Вот сейчас она увлечет меня в непонятную, холодную даль, а может быть, не далее как через год она хлынет на весь этот огромный город, и потопит его, и унесет с собою не только его развалины, но и самое его имя!»

Этот обоюдоострый образ реки, которая с одной стороны – символ жизни, само мироздание, а с другой – апокалиптический поток, смывающий в бездну и самого студента, и всю его вселенную, каким-то странным образом перекликается с распутинской прозой, в которой Река стала больше чем символ, стала самым провидением, дающим благо и забирающим не только жизнь отдельного человека, но и то, что неизмеримо больше – его вселенную, землю, малую родину.

На берегу этой реки человек рождается, живет и умирает – часто в ее глубоких водах, как сделала это Настена из «Живи и помни».

В водах ее тонут не только люди, тонет гораздо большее: тонет их нынешний мир, тонет их прошлое. Островная Матёра, как Атлантида Нового времени, символично отправляется на дно реки вместе с гробами предков и не случайно перед погружением в воды потопа деревня сгорает в апокалиптическом пламени: воды библейского потопа были лишь прообразом последнего огня, в котором обновится земля. «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» (Откр. 20, 9), – пишет тайнозритель о грешниках последних времен, отступивших от завета с Богом.

В 1972 году появляется в печати почти не замеченная критикой очерковая повесть «Вниз и вверх по течению», герой которой – писатель Виктор – совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства. В. Астафьев писал об авторе: «Завершив очень важный начальный этап в работе, он как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли» (Роман-газета. 1978. № 7).

Повесть состоит из трех частей, взаимопереплетенных в повествовании. Одна в жанре путевого очерка рассказывает о нравах рабочих поселков, расположенных по берегам Ангары, другая посвящена лирическим воспоминаниям о детстве, о той поре, когда «жили бедно, но весело и дружно», об утраченной «малой родине», которая оказалась на дне Братского моря. В третьей части идет разговор о сложностях писательского ремесла, о неудовлетворенности начинающего художника, заглядывающего в бездны и тайны человеческой психики. Виктору снится свой персонаж, который осуждает его за попытку изобразить последние видения умирающего человека, ибо они непостижимы.

В размышлениях героя повести находят отклик сомнения Распутина о праве художника «переступить последнюю черту», чтобы услышать голос тех, кто уже ушел с этой земли и унес с собой частицу недоступной живущим истины.

Впервые в этой повести столь явно видны апокалиптические мотивы, связанные с рекой. Распутин создает два образа мироздания – до затопления Братского водохранилища и после. Первый дан в воспоминаниях героя. Центром допотопного бытия является река – основа жизни, разворачивающейся по

берегам. Река воплощает могучие силы природы, в сезонных ритмах которой происходит постоянное, циклическое обновление жизни. Река обладает руслом, соответственно, качествами упорядоченности и стабильности. Воплощаемый ею онтологический принцип порядка транслируется на весь береговой космос, частью которого является и патриархальное общество людей. С другой стороны, река в очерке – метафора самой жизни. Это значение актуализируется в связи с образом острова, который сравнивается с кораблем, плывущим по течению (Ноев ковчег?):

«Знаешь, что стоишь на твердой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться – поплывешь куда-то осторожно и загадочно».

Мироздание после потопа становится чужим, безжизненным пространством:

«Из края в край вода лежала покорно и глухо одной необъятной равниной, подавляя своей тяжестью унылые и низкие берега. Воздух над ней был пуст, не носились в нем стрижи со свистящим, отрывистым звуком, не заливались ласточки, не собирались они в дружные, гомонящие – хоть уши затыкай! – стаи, чтобы отогнать ястреба».

Если раньше вода была голубой и прозрачной, то теперь она становится мутной и серой; при вступлении теплохода в водохранилище Виктор наблюдает абсурдное зрелище торчащих из-под воды верхушек деревьев. Затопление окультуренного пространства, в осмыслении В. Распутина, становится проявлением энтропии, разрушением, в результате человеческой деятельности, божественного миропорядка.

Самым большим страхом Виктора в детстве был страх, что река может исчезнуть, «обнажив на память о себе голое, каменистое русло, по которому будут бегать собаки». Исчезновение не только реки, островов, но и русла, означает для писателя конец стабильности, надежности и осмысленности человеческого бытия. Мир трансформируется, становится безжизненным и неузнаваемым: «Все сошлось и размылось в одной длинной и отчужденной картине тайги»; разрушается богоустановленный порядок жизни.

Родные места, пишет Распутин, «лишившись чего-то главного, основного, какого-то центра, собиравшего их воедино, в один круг, они разбрелись кто куда, превратились в отдаленно знакомые, постаревшие от времени уголки и казались всего лишь воспоминаниями, которые также могут явиться где угодно».

Распутин 1970-х гг. оценивает современную ему действительность сквозь призму природно-космического порядка бытия. В это время складывается особая распутинская поэтика, основанная на представлениях о божественной гармонии бытия. Залогом такого гармонического восприятия мира является человек, живущий и трудящийся на земле в соответствии с богоустановленным миропорядком, в согласии со своей совестью.

Именно эти люди становятся главными героями его повестей и рассказов – умирающая старуха Анна из «Последнего срока», Настена из «Живи и помни», поставленные автором в критические пограничные ситуации, противостоящие тем, кто отделил себя от мировой гармонии собственным эгоизмом и животным инстинктом (дети Анны, Андрей Гуськов).

В «Прощании с Матёрой» это деление выходит за пределы одной семьи, охватывает уже всю ойкумену, делит ее на мир живых и мертвых, границей меж которыми служит все та же Река. И когда воды потопа стремятся захлестнуть Матёру – Остров Блаженных, обетованную землю крестьянских праведниц-старух во главе с Дарьей, оставшихся охранять свое Древо Жизни, тот самый «царственный

лиственень», из-под сюжетной поверхности повести начинает всплывать ее подлинная суть – история крестьянской Атлантиды-Аталанки.

Через девять лет появилась повесть «Пожар» (1985). Не приходится сомневаться, что она была логическим продолжением «потопа» – «Прощания с Матёрой». Гибель мира по Распутину произошла в полном соответствии с библейской последовательностью: сначала от вод потопа погибает крестьянский мир, затем, уже в огне, напророченная писателем грядущая цивилизация торгашей. Сгорают в пожаре торговые склады леспромхозовского поселка, символически возникшего после затопления деревни. Вновь рушится гармония мира. Отсюда – эстетическая двойственность стиля повести, в которой реалистически запечатленный во всех подробностях образ горящих складов сочетается с символизмом апокалиптического пожара, в котором вскоре предстоит сгореть «нерушимому союзу» Советских республик.

«Василий и Василиса»

В начале 1967 года в еженедельнике «Литературная Россия» был опубликован рассказ «Василий и Василиса», который стал камертоном прозы Распутина. С этого рассказа начинается новый период в творчестве Валентина Распутина, который к этому времени уже перешел на профессиональную литературную работу, стал известным прозаиком со своим стилем, взглядом на мир, эстетической концепцией, которую в дальнейшем будет активно утверждать.

«Василий и Василиса» – произведение, написанное как бы на стыке жанров: то ли это большой рассказ, то ли маленькая повесть.

Именно от него потянулась прочная и явная нить к будущим повестям. В нем сосредоточено то, с чем мы еще не раз встретимся в книгах

Валентина Распутина: замечательная распутинская старуха, вещей сон, природа, выступающая не как фон, а как самостоятельный герой, оттеняющий характеры других действующих лиц, местами заступающая место самого автора, который именно через нее стремится говорить с читателем.

Все это в дальнейшем – неотъемлемая составляющая практически всех произведений писателя.

В центре сюжета – судьбы людей, идущих по жизни рядом, но не вместе. Тридцать лет Василий живёт в амбаре, Василиса – в избе с выросшими детьми, и даже разговора между ними не получается. Не смогла Василиса простить мужу давней, довоенной ещё обиды. Да и обида ли это, не больше ли? Однажды, напившись, «он схватил топор, лежавший под лавкой, и замахнулся. Василиса до смерти перепугалась, закричала не своим голосом и выскочила из избы. В ту ночь у неё случился выкидыш. Вернувшись в дом, она растолкала Василию и показала ему на порог: «Выметайся!»

Двадцать лет прожили они вместе, у них было семеро детей, но то, чему теперь стал виной Василий, гибель будущего ребёнка, она не смогла простить. И на войну проводила без

слёз, и встретила потом без радости, а на порог так и не пустила. Он работал на приисках, уходил в тайгу, пытался вновь устроить свою личную жизнь вместе с доброй хромоногой Александрой, – Василиса словно ничего не замечала. Кажется, всё у них теперь настолько разное, что нет ни одной точки соприкосновения, пересечения. Это подчёркивается и описанием их ритма жизни, окружающего быта.

Василиса просыпается рано и, одевшись, «срывается и начинает бегать. Она затапливает русскую печь, лезет в подполье за картошкой, бежит в амбар за луком, ставит в печь разные чугушки, готовит пойло для телёнка, даёт корм корове, свинье, курам, доит корову, процеживает сквозь марлю молоко и разливает его по всевозможным банкам и склянкам – она делает тысячу дел и ставит самовар».

«Василий поднимается не рано: рано подниматься незачем. Единственное, как в бане, окошечко в его амбаре на ночь завешено: Василий не любит лунный свет, ему кажется, что от луны несёт холодом. Кровать стоит изголовье к окошечку, по другую его сторону стоит столик. У дверей на гвоздях развешены охотничьи и рыболовные снасти... Он одевается молча, совсем молча не пыхтит, не кряхтит, не стонет».

Типичная для произведений Распутина ситуация, когда мужчина, совершивший фатальную ошибку, заставляет тем самым, по воле автора, проявлять женщину лучшие черты характера: мужество, мудрость, любовь, самопожертвование...

Муж, мужчина у Распутина каждый раз обращивается к читателю иной гранью своей души. В «Василии и Василисе» он полон раскаяния, чувства вины, которые, впрочем, остаются скрытыми от читателя почти до конца. Мы можем только гадать, почему же Василий все эти долгие годы предпочитает остаться в ставшем ему чужим, почти враждебном доме вместо того, чтобы начать новую жизнь.

Только в финале рассказа мы понимаем, что удерживало его: «Он, Василий, не мог умереть вдали от жены. Грех, совершённый им десятилетия назад, был столь велик, что даже жизнью его не искупить: ни словами, ни делами, ни лаской – ничем. И только когда смерть заглядывает в этот амбар к старому больному человеку, только тогда и Василиса в состоянии – нет, не забыть! – отпустить ему грех («Он подаёт ей руку, она пожимает её и, всхлипывая, поднимается»), и сам он в состоянии вздохнуть вольнее («Теперь иди, – го-

ворит он. – Теперь мне легче стало... Он улыбается, лежит и улыбается»). Не так жизнь прожита, – но о том живым судить. Для него главное – так хотя бы умереть, не унести с собою тяжесть, которая висела на душе дольше десятилетия».

И Василиса это понимает. Нет, она ничего не забыла, но она простила, сняла с души мужа камень. И, может быть, это самый большой ее подвиг.

«Деньги для Марии»

Весной 1967 года в журнале «Ангара» (№4) была напечатана повесть «Деньги для Марии», сразу привлекавшая к тридцатилетнему Распутину внимание и принесящая ему всесоюзную славу. Именно это произведение некоторые критики стали считать «точкой отсчета» деревенской прозы В. Распутина. Литературовед С. Семенов пишет: «После многолетнего господства поверхностно-народной бескомпромиссности, «лирически»-фальшивой ноты в повествовании о жизни деревни, его конкретность, подчеркнутая документальность произвели впечатление настоящего творческого опыта». В отличие от других авторов-«деревенщиков», идеализировавших зачастую жизнь села с его традиционным укладом, В. Распутин на страницах своих произведений «задался вопросом: так ли уж идеальна и однородна деревня и является ли она в современном беспокойном мире оплотом нравственности и милосердия?»

Попыткой дать ответ на этот вопрос и являлась повесть «Деньги для Марии».

Сюжет повести прост: у продавщицы сельского магазина Марии обнаружилась недостача. Долг ужаснул и Марию, и мужа ее тракториста Кузьму, и детей. Ревизор, правда, пожалел героиню и дал доброй, неумелой Марии возможность за пять дней собрать требуемую сумму.

Казалось бы, что особой проблемы с этим быть не должно: достаточно каждому из односельчан внести четыре рубля, и Мария будет спасена. Но эта небольшая сумма, чуть превышающая стоимость бутылки водки, стала той лакмусовой бумажкой, которая позволила определить суть каждого из них.

В повести глазами Кузьмы мы видим целый ряд сельских жителей, к которым он обращается за помощью. И каждый реагирует на беду другого человека по-разному. Дед Гордей, которому уже за 70, человек старой довоенной закалки, сразу же решил помочь, и, хотя не имел ни копейки, но выпросил у сына 15 рублей и просто вынудил Кузьму их принять: «Он стоял перед Кузьмой с протянутой рукой, из которой торчали свернутые в трубочки пятирублевые бумажки. И смотрел он на Кузьму со страхом, что Кузьма может не взять. Кузьма взял». Тетка Наталья отдала свои

«смертные деньги», приготовленные для поминок, «чтоб поболее народу пришло и подоле меня поминали». Помог председатель, отдавший свой месячный оклад и призвавший сделать то же колхозных специалистов.

Но были и те, кто не хотел помочь Марии, и они нашли повод ей отказать. Ее подруга Клава вместо помощи решила «лучше поплакать, повыть над ней, как над покойницей». И старуха Степанида тоже изображает слезы, и хотя в заначке у нее лежит много денег, не дает ни копейки. Директор школы дал сотню, но взамен душу вымотал своими нравоучениями. Да и растается он со своей сотней не из человеческого соучастия, а из желания сохранить самоуважение и из боязни, что люди обвинят его в жадности.

Вывод однозначен: деревня далека от идеала, в ней нет того братства и общности, которые автор наблюдал когда-то в детстве (вспом-

ним, как односельчане спасли имущество Распутиных от конфискации и «потом деревня принесла нам даже больше, чем взяла»).

Кузьма, идеалист, сам не умеющий отказывать, слишком хорошо думает о других, веря в понимание, которое не нуждается в словах: он «даже в мыслях не осмеливался просить у них деньги. Он представлял себе свой обход так: он заходит и молчит. Уже одно то, что он пришел, должно было людям сказать все». Но, видимо, время идеалистов прошло, четыре рубля перевесили на весах истории милосердие и традицию. Кузьме не удастся собрать в деревне нужную сумму.

И он едет в город к брату, в надежде на чудо. Автор ставит вопрос и перед собой, и перед читателем, и перед историей: сможет ли новая городская цивилизация, идущая на смену деревне, создать нечто равнозначное прежнему общинному миру? Кузьма стучит в дверь брата. Последняя фраза повести: «Сейчас ему откроют».

И от того, что он найдет за этой дверью, зависит уже не просто будущее Марии и ее семьи, зависит будущее страны и народа.

Финал повести остается открытым, Распутин не лишает читателя надежды. Но испо-

двояк готовит читателя к тому, что на благополучный исход надеяться не стоит. В городе та цепь поколений, о которой говорилось автором еще в цикле рассказов о Тофаларии, разорвана еще более откровенно, чем в деревне: Мария, как-то переночевав у Алексея две ночи, заметила, что лучше жить у чужих. А односельчанин, побывавший у Алексея, сказал потом Кузьме, что тот «...узнать меня узнал, а вот за товарища не захотел признать...»

«Век расшатался, распалась связь времён...», – так можно определить словами Шекспира ту ситуацию, в которую Распутин ставит своих героев. Они как бы находятся сразу в двух временных пластах, прошлом и настоящем, сопоставление которых позволяет автору показать всю глубину того этического сдвига, тектонику, которая грозит разрушением материковой плиты крестьянского быта.

«Последний срок»

В 1970 году журнал «Наш современник» (№№7, 8) опубликовал новую повесть Валентина Распутина «Последний срок», над которой автор работал с 1969 года. Повесть сразу же вышла книгой в нескольких издательствах, была переведена на другие языки, издана за рубежом – в Праге, Бухаресте, Милане, Будапеште, Штутгарте, Софии. Пьесу «Последний срок» поставили в Москве (во МХАТе) и в Болгарии.

Чем вызван был такой огромный интерес к этому произведению В. Распутина?

Сюжет повести прост: в деревне умирает восьмидесятилетняя Анна, проститься с которой съезжаются ее дети. Приезжают все, кроме самой младшенькой и любимой – Татьяны (Таньчоры, как ее ласково называет мать). Старуха, чувствуя близкий и неизбежный уход из жизни, ждет детей, испытывая настоящую внутреннюю потребность благословить их на дальнейший путь по жизни.

Тот разрыв в цепочке поколений, который в предыдущей повести «Деньги для Марии» был только намечен, только подсказан читате-

лю, в «Последнем сроке» вышел на авансцену уже без всякого камуфляжа. Другое дело, что не все критики захотели его увидеть, пытались превратить трагедию вселенского масштаба в проблему «отдельно взятой» крестьянской семьи: «Это произведение – о катастрофе ухода старого, больного человека из жизни и об отношении к предстоящему прощанию с еще живым человеком самых близких людей – детей Анны». В одном из литературоведческих произведений «Последний срок» назван «поэмой о смерти крестьянки». Смерть Анны стала для критиков, неизбалованных в 70-е годы подобной тематикой, настолько притягательным предметом обсуждения, что он затенил главное, ради чего и была написана повесть: «Проблема смерти в советской литературе находилась как бы под негласным запретом, следовало писать лишь о смерти героической, вдохновляющей на подвиг, борьбу, самопожертвование. У Распутина иной ракурс. Рассказывая о том тайном и зыбком переходе человеческой души в мир иной, писатель не только показывает исход жизни, ее результат, но и ожидающий ее впереди момент соединения с предками, многовековой традицией, бесконечной цепи вечной жизни.»

Трагична не смерть старухи, о которой так любят говорить в своих рефератах студенты,

сплошь и рядом начинающие свои сочинения с фразы «Ночью старуха умерла». Не в этом трагедия Анны, прожившей на свете «почти восемьдесят лет». «Ей есть к кому уходить, и есть от кого уходить», – писал о ней Распутин, и в этих нескольких словах больше оптимизма, чем в ином романе. Потому что там, за последней чертой, Анну ждут ее близкие, ждет Бог. Она лишь звено в цепи поколений, протянувшейся из мира остающихся в мир ушедших.

Трагедия в другом. Анна не смогла продолжить традицию, не смогла передать своим детям (быть может, за исключением Михаила) то чувство кровной и духовной близости, которое спаивало все звенья-поколения воедино. Болезненно-откровенно говорит об этом автор, передавая мысли Люси об отношениях с «родней»: она «не чувствовала особой, кровной близости между собой и ею, только знала о ней умом, и это вызывало в ней раздражение и против себя – оттого, что она не может сойтись с ними душевно и проникнуться одним общим и радостным настроением встречи, и против них, и даже против матери, из-за которой ей пришлось напрасно приехать...»

И неслучайно эти чувства возникают у Люси во время прогулки, когда она захотела и в родной деревне «пройтись по лесу, под-

ышать свежим воздухом – то, ради чего в выходные она выезжает за город». Она видит вокруг себя с детства знакомый ландшафт, но измененный так, что становится ясно: что-то неладно на этой земле. Гора стала меньше – ее срыли, чтоб не мешала машинам, поля захирели, лес заброшен... Земля в состоянии богооставленности.

Почему?

Она вспомнила невезучий свой колхоз «Память Чапаева». Люди ушли из него в леспромхоз, оставив землю на разорение ветрам и сорнякам; и она ощутила чувство вины, будто могла чем-то помочь и не помогла. Правда, привычка всегда оставаться правой сработала мгновенно – Люся тут же отмахнулась от незапланированных мыслей! «Я здесь совсем ни при чем... Я здесь человек посторонний».

Отчуждение от предков, от традиции ведет к разрыву не только цепочки поколений, но и к разрыву с родной землей: «Внизу при Люсиных шагах все смолкло, затаилось. Земля под ногами не отзывалась, была окаменевшей, глухой».

Все дети Анны, собравшиеся к ней, стали чужими и ей, и этой земле. Ни правильная, но холодная и бесчувственная Люся, ни добрая, но бестолковая Варвара, ни пьяница и грубиян Михаил, ни Илья, у которого, по словам

Распутина, такое лицо, «будто свое проиграл в карты чужому человеку», не обладают той цельностью, душевной гармонией, памятью, которые обеспечивают высокое достоинство их матери. Распутин исследует тончайший механизм передачи традиции, духовного и кровного родства от поколения к поколению до момента его разрыва, утраты этой связи, когда «жизнь, не подтвержденная смыслом души» становится «случайным существованием».

Последний срок наступает вовсе не для Анны – он наступил для ее детей, которым предоставлена последняя возможность изменить свою жизнь, превратить свое «случайное» – бессмысленное и животное – существование на чужой для них земле в осмысленное движение по тому пути, которым прошли до них поколения их предков.

Но автор почти не оставляет надежды на это преобразование. Да и как оно возможно, если дети Анны даже не догадываются о наступлении этого самого последнего для них срока, не верят в то, что мать умирает.

То чудо, то продление последнего срока, которое им дается в надежде на их преобразование («Чудом это получилось или не чудом, никто не скажет, только увидав своих ребят, старуха стала оживать»), они воспринимают как обман.

Они словно соревнуются друг с другом, в особенности Илья и Люся, – в том, кто более из них нравственно глух. Стоило матери лишь немного приподняться в постели да открыть глаза, как тот же Илья «готов... поверить, что мать схитрила, нарочно прикинулась умирающей, чтобы собрать их всех возле себя... Он с любопытством поглядывает на мать: интересно, что она выкинет еще?» Ему и в голову не приходит, что все обстоит как раз наоборот: именно потому мать и очнулась, что они приехали; и жить будет еще столько минут, часов, дней, сколько будет верить в то, что младшая дочь Танчора вот-вот откроет дверь и войдет проститься с нею.

Но дети оказываются не в состоянии понять мать. То, что видят они ее в последний раз, словно не доходит до них. И они, ссылаясь на обстоятельства личной жизни, не дождавшись смерти матери, решают разъехаться по домам. Люся на жалобное, умоляющее старухино «Помру я» отвечает раздражительно и непреклонно: «Мама, мне уже надоели эти разговоры о смерти. Честное слово. Одно и то же, одно и то же. Ты думаешь, нам это приятно? Всему должны быть мера».

Илья на слова матери реагирует безалаберно: «Мать вот как следует на ноги встанет, и можно к нам в гости приехать. Приезжай,

мать. В цирк ходим. Я рядом с цирком живу. Клоуны там. Обхохочешься».

Нам дано только догадываться о том, как повела бы себя в этой ситуации младшая дочь Анны, Татьяна, но, вероятно, так же, как и остальные. Уже само по себе ее отсутствие говорит о многом. И может быть, судьба как раз и уберегла Анну от этой встречи – этого самого большого ее возможного разочарования.

На фоне Варвары, Ильи и Люси – Михаил, в доме которого доживает свой век мать, воспринимается как натура наиболее милосердная, несмотря на свою грубоватость.

Анна нередко ругает сына, обижается на его неловкие, порою даже жестокие шутки (он, например, говорит ей: «А ты знаешь, что у нас теперь только по 70 годов живут, более не полагается?», чем повергает старуху в невероятный страх). Но именно он, Михаил, изо дня в день, хорошо ли, плохо ли, ухаживает за матерью. Не Люся, прокурорским тоном изрекающая: «Ты заслужила себе спокойную старость, и издеваться над тобой мы не позволим никому, а тем более родному сыну»; не всхлипывающая Варвара: «Над матушкой нашей так издеваться – это че ж такое на белом свете творится?!», «Не подходя к нашей матушке! Ишь какой. Не имеешь права под-

ходить»; не молчащий, как всегда в таких случаях, Илья, – а именно Михаил помог дожить матери до ее восьмидесяти лет, не прекнув, да и, в сущности, не так уж и обидев ее, как представили это сестры. И потому именно ему доверил автор быть временным, промежуточным судьей, который вправе выносить обвинение, чтобы дать обвиняемым срок на обдумывание, на размышление, наконец, на раскаяние. Не столько спяну, от обиды на несправедливые обвинения, которые от кого-кого, да не от Варвары с Люсей ему слушать, он и вскипел: мол, не нравится, как я ухаживаю за матерью – «Может, кто-нибудь из вас заберет ее, а? Давайте. Забирайте. Корову отдам тому, кто заберет. Ну?.. Кто из вас больше всех любит мать? Забирайте. Что вы раздумываете? Я такой-сякой, а вы тут все хорошие. Ну, кто из вас лучше всех?»

Краткие ответы сестер и брата характеризуют их полностью, углубляя еще раз основную, доминирующую черту того или иного героя.

Люся, привыкшая к агрессивному обвинению как к основному в ее арсенале способу защиты своего спокойствия, заявила: «Ты сумасшедший!» Варвара говорит, что она только корову может взять, а матери у них жить негде, места мало. Не хочет забрать мать и

Илья, уклончиво бросающий Михаилу: «Ты перепил... Сам не понимаешь, что делаешь». И как бы подводя итог, Михаил говорит: «Значит, никто не желает?.. Тогда идите вы все от меня, знаете куда... И не говорите мне, что я такой да разэтакий, не лайте на меня. А ты, мать, ложись и спи... Они тебя так больше любят, когда ты здесь лежишь».

Не случайно Валентин Распутин назвал «Последний срок» своей главной книгой.

Последний срок, по большому счету, наступает для всего поколения «детей», так и не сумевших наследовать духовное богатство предшествовавших ему – нет, не «отцов», – распутинских старух. На этом поколении «порвалась связь времен» и началось безвременье, конец истории. Автор словно предлагает читателю вновь и вновь задуматься над тем, каким станет мир, из которого уйдут все Анны и останутся Ильи, Варвары, Михаилы и Люси.

И мы сегодня, сорок лет спустя, уже знаем, каким он стал...

«Живи и помни»

В 1974 в журнале «Наш современник» (№10, 11) была напечатана повесть Распутина «Живи и помни» – одно из лучших произведений русской послевоенной прозы.

Сам Валентин Распутин говорит о том, что повесть возникла как-то неожиданно: «Были трудные времена, такие-сякие... Но я всегда себя чувствовал себя свободно. Я не заставлял себя о чем-то писать. Однажды заключил договор на книжку, была мода такая – заключать договора, писать о стройках коммунизма. Денег не было совсем, 1970-е годы это были. Пошел и я, заключил договор. Но кончилось тем, что я написал «Живи и помни» и принес им. Я не думал писать это, просто пытался выйти из положения тогда. Но я отработал деньги, которые взял, принес им рукопись, которая ничуть не хуже, чем о стройках коммунизма, как мне казалось».

Наверняка здесь есть немного авторского кокетства, ибо такие гениальные вещи вынашиваются гораздо дольше, чем дети – не один год и появляются на свет не случайно.

Как и «Последний срок», «Живи и помни» была, сознательно или нет, воспринята критиками не в том аспекте, в каком видел ее автор и в каком он хотел донести ее до читателя. Если в «Последнем сроке» критика сосредоточила свое внимание на смерти, то «Живи и помни» было воспринято ей как произведение о войне, о дезертире, сбежавшем домой, чтобы «поглядеть» на родственников и жену. Критики даже сравнивали ее с повестями Ю. Гончарова «Дезертир» (1962) и Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1958).

Так же, как многие критики, воспринимал повесть и А.И. Солженицын: «В общем-то, в Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи, даже десятки тысяч, и пересидевших в укрытии от первого дня войны до последнего, о чём наша история сумела смолчать, знал лишь уголовный кодекс да амнистия 7 июля 1945 года. Но в отблещенной советской литературе немислимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного к дезертиру. Распутин – переступил этот запрет. Правда, и представил нам случай гораздо сложнее: заслуженный воин всю войну, три ранения, последнее особенно тяжёлое, и госпиталь в Сибири неподалеку от родных ангарских мест; других в таком виде де-

мобилизуют или хотя бы в краткий отпуск, нашего героя – нет. А война – явно при конце, тут особенно обидна ему смерть – и он дрогнул. Тайком вернулся в окрестности своей деревни, даже родителям не открылся, только жене Настасье.»

Быть может, не в последнюю очередь такое восприятие было вызвано тем, что и смерть, и дезертирство были нечастыми темами в советской литературе того периода. (И уж совсем уникальна в советской литературе главная героиня – жена дезертира.) А может быть, как раз потому, что тогдашние критики очень хорошо поняли те глобальные выводы, которые можно сделать, прочтя эти произведения, и стремились, обсуждая «горячие» для советского читателя темы, увести его от глубинного прочтения распутинской прозы.

Кто-то назвал «Последний срок» прологом к «Живи и помни». Но можно сказать и резче: «Последний срок» – следствие, «Живи и помни» – суд и приговор.

В центре повести, как часто это бывает у Распутина, мужчина, совершивший ошибку, расплачиваться за которую приходится не только ему самому, но и близкой ему женщине.

...К Настене вернулся муж с фронта. Не героем – днем и по всей деревне с почетом, а ночью, тихо и крадучись. Он – дезертир. Войне уже виден конец. После третьего, очень сложного ранения он сломался. Вернуться к жизни и вдруг умереть? Не смог он перешагнуть этот страх. У самой Настены война отняла лучшие годы, любовь, ласку, не позволила ей

стать матерью. Случись что с мужем – захлопнется перед ней дверь в будущее. Скрываясь от людей, от родителей мужа, она понимает и принимает мужа, делает все, чтобы спасти его, мечется в зимнюю стужу, пробираясь в его логово, скрывая страх, таится от людей. Она любит и лю-

бима, быть может, впервые вот так, глубоко, без оглядки. Результат этой любви – будущее дитя. Долгожданное счастье. Да нет же – позор! Считается, что муж на войне, а жена – гуляет. От Настены отвернулись родители мужа, односельчане. Власти подозревают ее в связи с дезертиром и следят. Пойти к мужу – указать место, где он скрывается. Не пойти – уморить его голодом. Круг замыкается. Настена в отчаянии бросается в Ангару.

Вселенная в повести делится на два мира, живых и мертвых, разделенных, как и полагается, рекой забвения. Настена принадлежит к миру живых, Андрей – изначально – к миру мертвых, который он выбрал дезертировав, думая, что выбирает жизнь («Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» – Откровение, 3, 1). Андрей сам говорил Настёне: «На люди мне показываться нельзя, даже перед смертным часом нельзя; у тебя была только одна сторона: люди, там, по правую сторону Ангары. А сейчас две: люди и я. Свести их нельзя, надо, чтобы Ангара пересохла».

И речь в повести об Андрее не идет, он – лишь повод для автора поговорить о Настене. Распутин говорил: «Ради Настены и задумывалась эта вещь, и писалась. А для того, чтобы характер ее проявился в полную меру, при-

шлось искать какие-то особые обстоятельства, каковыми я посчитал историю с ее мужем. А это потребовало и в отношении к нему некоего судебного разбирательства перед приговором. Не хотелось его мазать одной лишь черной краской...»

Настоящий и единственный герой повести – Настена.

Характер Настены Гуськовой максимально приближен к идеальному. Она «с самого начала мечтала отдавать больше, чем принимать,— на то она и женщина, чтобы смягчать и сглаживать совместную жизнь, на то и дана ей эта удивительная сила, которая тем удивительней, нежней и богаче, чем чаще ею пользуются»,— писал Распутин. Это женщина, поставленная жизнью в ситуацию трагического выбора, ее душа не может примирить противоположные решения: как жить по совести, вместе со всем деревенским миром, сплоченным в горестях военной жизни, и как сохранить верность и преданность мужу, нарушившему закон братства и товарищества и бежавшему с поля боя. Преступление Андрея Гуськова отчуждает Настену от людей, лишает ее уверенности в настоящем, которое расходуется на «отдельные, равные, чужие друг другу куски», и даже долгожданный ребенок обещает ей в будущем только позор.

Повесть «Живи и помни» начинается с пропажи топора в бане. Эта деталь сразу задаёт повествованию эмоциональный настрой, предвосхищает его драматический накал, несёт дальний отсвет трагического финала. Топор является орудием убийства телёнка. В отличие от обозлённой на людей матери Гуськова, лишённой даже материнского чутья, Настёна сразу догадалась, кто взял топор: «... вдруг ёкнуло у Настёны сердце: кому чужому придёт в голову заглядывать под половицу». С этого «вдруг» всё изменилось в её жизни.

Очень важно то, что на догадку о возвращении мужа подтолкнуло её чутьё, инстинкт, животное начало: «Настёна села на лавку у окошечка и чутко, по-звериному, стала нюхиваться в банный воздух... Она была как во сне, двигаясь почти ощупью и не чувствуя ни напряжения, ни усталости за день, но делала всё точно так, как и задумала... Настёна сидела в полной темноте, едва различая окошко, и чувствовала себя в оцепенении маленькой несчастной зверушкой». Встреча, которую героиня ждала три с половиной года, каждый день представляя, какой она будет, оказалась «воровской и жуткой с первых же минут и с первых же слов». Психологически автор очень точно описывает состояние женщины во вре-

мя первой встречи с Андреем: «Настёна с трудом помнила себя. Всё, что она сейчас говорила, всё, что видела и слышала, происходило в каком-то глубоком и глухом оцепенении, когда обмирают и немеют все чувства и когда человек существует словно бы не своей, словно бы подключённой со стороны, аварийной жизнью. Она продолжала сидеть, как во сне, когда видишь себя лишь со стороны и не можешь собой распорядиться, а только ждёшь, что будет дальше. Вся эта встреча выходила чересчур неправдашной, бессильной, пригрезившейся в дурном забытии, которое канет прочь с первым же светом.»

Настёна, ещё не понимая, не осознавая этого умом, чувствовала себя преступницей перед людьми. Она пришла на свидание с мужем, как на преступление. Начинаясь внутренняя борьба, ещё не осознаваемая ею, обусловлена противоборством двух начал ней – животного инстинкта («зверюшка») и нравственного (свидание – преступление). В дальнейшем борьба этих двух начал в каждом из героев Распутина разводит их по разным полюсам: Настёна приближается к высшей группе героев Толстого с духовно – нравственным началом, Андрей Гуськов – к низшей. Ещё не осознав всё случившееся, ещё не зная, какой они с Андреем найдут выход, На-

стёна совершенно неожиданно для себя подписывается на заём на две тысячи: «Может, хотела облигациями откупиться за мужика своего... Кажется, о нём она в это время не думала, но ведь мог и за неё кто-то подумать». Если у Гуськова из подсознания на войне прорывается животное начало («звериный, ненасытный аппетит» в лазарете), то в Настёне бессознательно («вины она за собой всё-таки не чувствовала, не признавала»), говорит голос совести, нравственный инстинкт.

Настёна живёт пока только чувством, жалея Андрея, близкого, родного, и в то же время ощущая, что он чужой, непонятный, не тот, кого провожала на фронт. Она живёт надеждой, что со временем всё обязательно кончится хорошо, стоит лишь выждать, потерпеть. Она понимает, что одному Андрею не вынести свою вину. «Она ему не по силам. Так что теперь – отступить от него? Плнуть на него? А может, она тоже повинна в том, что он здесь, – без вины, а повинна. Не из-за неё ли больше всего его потянуло домой?»

Настёна не упрекает, не обвиняет Андрея, а чувствует свою вину перед ним, свою ответственность за него: «Что бы с ним теперь ни случилось, она в ответе», готова взять вину на себя. Этот мотив вины проходит через всю повесть. «Верила и боялась, что жила она, на-

верное, для себя, думала о себе и ждала его только для одной себя». «Давай вместе. Раз ты виноват, то и я с тобой виноватая. Вместе будем отвечать. Если бы не я – этого, может, и не случилось бы. И ты на себя одного вину не бери».

Впервые чувство вины перед людьми, отчуждение от них, осознание того, что «не имеет права ни говорить, ни плакать, ни петь вместе со всеми», пришло к Настёне, когда в Атомановку вернулся первый фронтовик – Максим Вологжин. С этого момента мучительные терзания совести, осознанное чувство вины перед людьми не отпускают Настёну ни днём, ни ночью. А день, когда вся деревня ликovala, отмечая окончание войны, казался Настёне последним, «когда она может быть вместе с людьми». Затем она остаётся одна «в беспросветной глухой пустоте», «и с этого момента Настёна словно тронулась душой».

Героиня Распутина, привыкшая жить простым, понятными чувствами, приходит к осознанию бесконечной сложности человека. Настёна теперь постоянно думает о том, как жить, ради чего жить. Она до конца осознаёт, «как стыдно жить после всего, что случилось. Но Настёна, несмотря на готовность идти с

мужем «на каторгу», оказывается бессильной спасти его, не в состоянии убедить его выйти и повиниться перед людьми. Гуськов слишком хорошо знает: пока идёт война, по суровым законам времени его не простят, расстреляют. А после окончания войны уже поздно: процесс «озверения» в Гуськове принял необратимый характер. Спасти Андрея Настёна не могла, но спасти ребёнка была обязана.

Только вера в Бога, в высшую справедливость могла спасти Настёну, дать ей необходимую силу и терпение вынести всё («Устала она. Знал бы кто, как она устала и как хочется отдохнуть! Не бояться не стыдиться, не ждать со страхом завтрашнего дня, на веки вечные сделаться вольной, не помня ни себя, ни других, не помня ни капли из того, что пришлось испытать»).

Скрывая мужа-дезертира, Настёна осознаёт это как преступление перед людьми: «Близок, близок суд – людской ли, Господень, свой ли? – но близок. Ничего в этом свете даром не даётся». Настёне стыдно жить, больно жить. «Что ни увижу, что ни услышу, только на сердце больно». Настёна говорит: «Стыдно... всякий ли понимает, как стыдно жить, когда другой на твоём месте сумел бы прожить лучше? Как можно смотреть после этого людям в глаза?.. Даже ребёнок, которого ждёт Настё-

на, не может удержать её в этой жизни, ибо и «ребёнок родится на стыд, с которым не разлучиться ему всю жизнь. И грех родительский достанется ему, суровый, истошный грех, – куда с ним деться? И не простит, проклянёт он их – по делам».

Андрей, наоборот, вины за собой не видит. Не он виноват, виноваты перед ним: командование, не отпустившее его после госпиталя в отпуск, деревня – потому что он должен был идти на войну, и даже Ангара, которая «равнодушно» течет мимо. Обида, злоба, одиночество, страх – вот чувства, которые господствуют в нем.

И в то же время он жаждет самооправдания.

Узнав от Настёны, что она ждёт ребёнка, Андрей «негромко и истово взмолился... Вот оно, вот... Я знаю... Теперь я знаю, Настёна: не зря я сюда шел, не зря. Вот она судьба... Это она толкнула меня, она распорядилась. Это ж всё – никакого оправдания не надо. Это больше всякого оправдания». Теперь он нашел себе оправдание: «Да разве есть во всём белом свете такая вина, чтоб не покрылась им, нашим ребёнком?!»

Настёна так и не смогла выбрать свою сторону, и осуждает себя на смерть, гибнет

в Ангаре вместе с ребенком, лишая Андрея последнего оправдания перед судом его собственной совести. Ему остается только вечная мука: жить в царстве мертвых и помнить о тех, кто погиб из-за него.

Но почему Настена не осталась среди живых? Потому что среди них не нашлось ни одного человека, который захотел бы ее понять, поверить, поддержать.

Свекровь выгоняет её из дома. Но Настёна «не обижалась на Семёновну – что тут, в самом деле, обижаться? Этого и следовало ждать. И не справедливости она искала, но хоть мало-мальски сочувствия от свекрови, её молчаливой и вещей догадки, что ребёнок, против которого она ополчилась, ей не чужой. На что тогда рассчитывать на людей?»

И люди, сами уставшие и измученные войной, не пожалели Настёну. «Теперь, когда прятать живот было ни к чему, когда каждый, кому не лень, тыкался в него глазами и опивался, как сладью, его открывшейся тайной. Никто, ни один человек, даже Лиза Вологжина, своя в доску не подбодрила: мол, держись, плюнь на разговоры, ребёнок, которого ты родишь, твой, не чей-нибудь ребёнок, тебе и беречь его, а люди, дай время, уймутся. Только что ей жаловаться на людей? – Сама от них ушла». А когда люди стали ночью следить за

Настёной и «не дали увидаться с Андреем, она совсем потерялась; усталость перешла в желанное, мстительное отчаяние. Ничего ей больше не хотелось, ни на что не надеялась, в душе засела пустая, противная тяжесть «Ишь что взнамерилась, – угрюмо кляла она себя и теряла мысль. – Так тебе и надо».

И в следующую ночь, когда Настёна поплыла к Андрею через Ангару, её уже в открытую преследовала лодка, в которой были и Иннокентий Иванович, и Нестор, и первым вернувшийся с фронта Максим Вологжин. О последнем чувстве Настёны, раскрывающем состояние её души, автор говорит так: «Стыдно... всякий ли понимает, как стыдно жить. Но и стыд исчезнет, и стыд забудется, освободит её...»

«Прощание с Матёрой»

Осенью 1976 года в журнале «Наш современник» (№№10, 11) появилась новая повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». О том, как возник замысел произведения, как оно писалось, сам автор рассказывал так: «Среди русских названий – самых распространенных, кондовых, коренных – название «Матерая» существует везде, по всем просторам России. Есть оно и у нас в Сибири, и на Ангаре тоже есть такое название. Я его с этим смыслом и взял, должно же название что-то обозначать, фамилия должна что-то обозначать, тем более это название старой деревни, старой земли...

Все это происходило на моих глазах. Действительно трагическое зрелище, когда идешь вечером по Ангаре, по Илимю (это река, которая впадает в Ангару), и видишь, как эти крепкие деревни горят в темноте. Это было зрелище, которое останется в памяти навсегда.

«Прощание с Матерой» – эта работа была для меня главной, ни рассказы, ни другие по-

вести. Для этой повести я, может быть, и был нужен...

Я не назад зову. Я зову к сохранению тех ценностей и традиций, всего того, чем жил человек. Моя деревня, например, когда ее перенесли, стала леспромхозом. Делать там было больше нечего, только лес рубить. Лес рубили и рубили неплохо. Поселок был большой, не из бедных. Занятие ведь влияет на человека. Хорошо зарабатывали, и все как бы ладно, но пьянка была жуткая, такой сейчас даже нет. Это были 70-е – 80-е годы. Только вырубать лес, зарабатывать на этом – все-таки это не божеское дело. Меня тогда это поразило и заставило писать.

Видимо, нам в России жить хорошо не надо, чтобы оставаться людьми. Не надо богатства, не нужно быть богатым. Есть такое слово – достаток. Есть какая-то мера, при которой мы остаемся в своей нравственной сохранности».

В этих словах писателя слышны горечь и разочарование, боль за свой народ, за свою родную землю. Он, как и его героиня Дарья, защищает не старую избу, а Родину, как у нее, болит сердце и у Распутина: «Как в огне оно, христовенькое, горит и горит, ноет и ноет». Как точно отмечал критик Ю. Селезнев: «Название острова и села – Матёра – не случайно

у Распутина. Матёра конечно же идейно образно связано с такими родовыми понятиями, как мать (мать – Земля, мать – Родина), материк – земля, окруженная со всех сторон океаном (остров Матёра – это как бы «малый материк»). Для автора, как и для Дарьи, Матёра – воплощение Родины.

Если в «Последнем сроке» или в «Живи и помни» еще можно было говорить о «трагедии отдельно взятой крестьянской семьи», то в «Прощании с Матёрой» автор такой возможности критикам не оставил. Гибнет крестьянский материк, целый крестьянский мир, и именно это приходится обсуждать критикам. Впрочем, они попытались сгладить остроту проблемы и обвинить автора в «романтизации и идеализации патриархального мира», в котором, некоторые критики видели лишь консервативные и отрицательные качества. А. Салынский оценивал проблематику повести как «тривиальную» (Вопросы литературы. 1977. №2), В. Оскоцкий отмечал желание Распутина «из коллизии все-таки не трагедийной любой ценой «выжать» трагедию» (Вопросы литературы. 1977. №3), Е. Старикова заметила, что Распутин «более жестко и менее гуманно, чем раньше, разделил мир своей повестью на «своих и чужих»» (Литература и со-

временность. М., 1978. Сб. 16. С. 230). Острота поднятых писателем вопросов вызвала на страницах «Литературной газеты» дискуссию «Деревенская проза. Большаки и проселки» (1979, сентябрь-декабрь).

А.И. Солженицын писал по этому поводу: «Это прежде всего – смена масштаба: не частный человеческий эпизод, а крупное народное бедствие – не именно одного затопляемого, обжитого веками острова, но грандиозный символ уничтожения народной жизни. И даже ещё огромней: какой-то неведомый поворот, сотрясение – расставание и для нас всех. Распутин – из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами.

От первой страницы повести мы застаём деревню уже обречённой к уничтожению – и сквозь повесть это настроение нарастает, звучит как реквием – и голосами народа, и голосами самой природы и человеческой памяти, как она сопротивляется своей кончине. Пронзительно нарастает прощание с островом, растянутое умирание, режущее сердце.

Вся ткань повести – широкий поток народного поэтического восприятия. (На её протяжении изумительно описаны, например,

разные характеры дождей.) Сколько чувств – о родной земле, её вечности. Полнота природы – и живейший диалог, звук, речь, точные слова. И – настоящий у автора мотив:

Раньше совесть сильно различали. Ежели кто норовил без её – сразу заметно. А теперь – холера разберёт, всё смешалось в одну кучу – что то, что другое. Мы теперя так и этак не своим ходом живём. Люди про своё место под Богом забыли.

Пришли пожогщики, «набежники из со-вхоза», и жгут одно за другим, что пустеет. Гигантское царь-дерево Листвень, отметный знак всего острова, – только он оказался непо-валимый и несжигаемый. Сжигают – «мель-ницу христовенькую, сколько хлебушка нам перемолола». Вот – часть домов уже сожжена, а остальные «как вжались в землю от страха». Последняя вспышка прежней жизни – друж-ная пора сенокоса, любимая деревенская пора. «Все мы – свой народ, из одной Ангары воду пили». А теперь это сено – через Ангару, и скирдовать около многоэтажных неживых домов для бесприютных коров, обречённых под нож. Прощание с деревней, растянутое во времени, одни уже переехали и приезжа-ют навещать остров, другие – держатся на месте до последнего. Прощаются с могилами родных, пожогщики дико налетают на клад-

бище, стаскивают в кучу кресты и жгут. Старуха Дарья, готовясь к неизбежному сожжению своей избы, – белит её насвежо, моет полы и набрасывает на пол травы, как под Троицу: «Сколько тут хожено, сколько топтано». Для неё отдать избы – «как покойника в гроб кладут». А заезжий внук Дарьи – отчуждён, беспечен к смыслу жизни, уже давно оторван от деревни. Дарья ему: «В ком душа, в том и Бог, парень». «А что душу свою потратили – вам и дела нету». – Теперь узнаётся: изба, если её не трогать, сама по себе горит два часа – но ещё многие дни тоскливо курится потом. А и после сожженья избы – Дарья не в силах уехать с острова, ещё с двумя-тремя старухами ютится в негодном бараке. И так – перепущен срок отъезда. Сына Дарьи на катере посылают ночью снять стариков – а тут налегает такой густой туман, какого в жизни они не видели, и найти на Ангаре знакомый остров уже не могут. Этим и оканчивается повесть – грозным символом как бы нереальности нашего бытия: существуем ли мы вообще?»

Гибнет целое поколения, поколения хранителей вековых народных устоев, традиций, без которых не может существовать народ. Звучащие уже в «Последнем сроке» темы расставания с поколениями людей, живших и

трудившихся на земле, прощания с матерью-прародительницей, с миром праведников, трансформируются в сюжете повести «Прощание с Матерой» в миф о гибели всего крестьянского мира. На «поверхности» сюжета повести – история затопления расположенного на острове сибирского села Матеры волнами «рукотворного моря». В противоположность острову из «Живи и помни», остров Матера (материк, твердь, суша), постепенно уходящий на глазах читателей повести под воду, – символ земли обетованной, последнее пристанище тех, кто живет по совести, в согласии с Богом и с природой. Доживающие свои последние дни старухи во главе с праведницей Дарьей отказываются переселяться в новый поселок (новый мир) и остаются до смертного часа охранять свои святыни – крестьянское кладбище с крестами и царственный листвень, языческое Древо жизни. Лишь один из переселенцев – Павел – навещает Дарью в смутной надежде прикоснуться к истинному смыслу бытия. В противоположность Настене он плывет из мира «мертвых» (механической цивилизации) в мир живых, но это – погибающий мир. В финале повести на острове остается только мифический Хозяин Острова, отчаянный крик которого, звучащий в мертвой пустоте, завершает повествование.

«Прощание с Матёрой» подводит итог философско-мировоззренческим размышлениям Распутина о трагической судьбе деревни под колесами «научно-технической революции», осуществляемой варварскими, жестокими, антигуманными методами. Усиливается трагическое мироощущение писателя, которое приобретает апокалиптические черты, воплотившиеся в картинах пожара и потопа.

В повести нашла свое отражение философия, поэтика, мистика прощания с традиционным укладом жизни, «дедовскими святынями», нравственными и духовными заветами предков, которые Распутин олицетворяет в образе величественной и крепкой духом старухи Дарьи. Остров Матера у Распутина не просто отдельная деревня, а модель крестьянского мира, наполненного своими жителями, скотиной, зверьем, проживающим в уютном и родном ландшафте, в центре которого находится мощный лиственнь, границы которого охраняет таинственный и мистический Хозяин. Здесь царят гармония и целесообразность, познание и труд, уважение к живым и почитание мертвых. Но прощание с этой жизнью совсем не элегично и благостно, оно прерывается скандалами, драками, ссорами коренных жителей и «пожогщиков», «разорителей»,

приехавших очищать перед затоплением территорию для будущей электростанции. На их стороне оказывается и внук Дарьи – Андрей. Молодое поколение, которое должно быть, по мысли Распутина, лучше, чем уходящее, не выполняет своей исторической роли. Поэтому писатель считает, что «цивилизация с какого-то необозначенного времени взяла неверный курс, соблазнившись механическими достижениями и оставив на десятом плане человеческое совершенствование».

«Пожар»

Философско-публицистическая повесть Распутина «Пожар» (1985) сюжетно продолжает «Прощание с Матерой». Распутин вновь обращается к теме гибели общинного мира – на сей раз не в воде, а в огне, в пожаре, охватившем торговые склады леспромхозовского поселка, символически возникшего вместо затопленной деревни. Можно сказать, что в этой повести душа писателя провидчески откликнулась на близкое будущее, ожидающее страну, будущее, в котором сгорит все то лучшее и светлое, которое было достигнуто минувшими поколениями. Это суровое художественное предостережение о грядущей народной беде: духовном упадке, следом за которым идет упадок социальный.

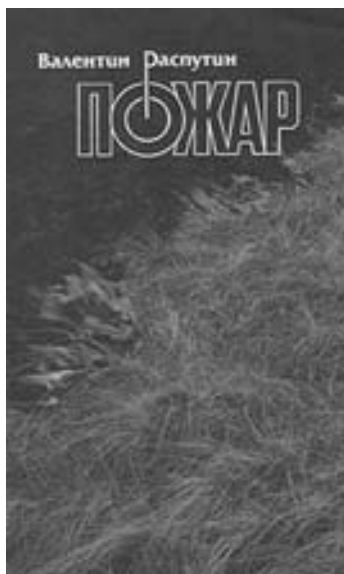
А.И. Солженицын отметил не только ее символичность и провидчество, но и реализм в изображении жизни предперестроечной России:

«Символична и повесть «Пожар», девятью годами позже «Матёры», – и как в прямое продолжение к ней: дальнейшая судьба

людей, насильно оторванных затоплением от своего прежнего коренного бытия и на бессмысленную уничтожительную работу – валку и валку лесов, без заботы о подрасте новых.

Однако сам пожар описан вовсе не символично, не с литературной красотой, а с реальными подробностями развития пламени в разных местах здания и на разных этапах горения, – автор подробно видит и передаёт нам детали; это – взгляд и художника, но и знатока пожарного дела. Таких адекватных описаний хода пожара я в русской литературе не знаю. Надо побывать там, чтоб это узнать: «казалось, горел даже дым, которым приходилось дышать». И эти сдвиги в сознании людей в захвате пожарной работы – до полной потери реальности, даже понимания, откуда куда бежит или что делает.

Сквозь этот ревущий огонь звучит трубный голос народного горя, – в продление того необратимого расставания нашего с разумным бытием.

На этом пожаре, несомненном поджоге: одни жертвенно спасают гибнущее, другие – всё больше воруют спопутно, а третьи – неназванные и невидимые, получают главный доход от поджога. В перемежных с пожаром главах – видим общий рост бессовестности и воровства, скудеющий остаток добросовестных людей. «Сама земля уходит из-под ног».

И – торжествующее, наступающее на общую жизнь новое племя – всё те же пожогщики, знающие лишь одно уничтожение, теперь – «архаровцы», ненаказуемые уголовники на просторах страны. «Вечная тоска в глазах: куда? зачем?» – сами не знают. «Вредят всякому, кто твердит о совести». Для них «что было нельзя – стало можно, считалось за смертный грех – почитается за ловкость». – «И как получилось, что сдались мы на их милость?»

Повесть вышла в свет в 1985-м, пронизательно показывая, какую полууголовной наша страна была к началу Перестройки, – какую вся эта шваль вот-вот развернётся господами нашей жизни.»

Критики отмечали в «Пожаре» черты «учительской прозы» Л. Толстого, проявляющиеся в ориентации на моральный суд и самосуд, на

некоторую рационализацию сюжета, на моральную исповедь добра, гражданских и семейных ценностей.

Герои повести живут в поселке после переселения из затопленной, подобно Матере, деревни. Их жизнь отравлена бездушным потребительством по отношению к самим себе, к природе, к заветам предков, к вере. Предая свою малую Родину, человек теряет истоки самого главного в жизни, деградирует как личность, жизнь его становится серой и бесцельной. Вспыхнувший в поселке пожар – своеобразное наказание людям за грех беспамятства, безверия, пьянства. Вместо того чтобы совместно бороться с бедой, люди поодиночке, состязаясь друг с другом, растаскивают выхваченное из огня добро.

Главный герой повести шофер Иван Петрович, с точки зрения которого описывается происходящее на горящих складах, – уже не прежний распутинский герой-праведник: он находится в неизбывном конфликте с самим собой, ищет и не может найти «простоту смысла жизни». Соответственно, усложняется и дисгармонизируется авторское видение мира. Отсюда – эстетическая двойственность стиля «Пожара», в котором запечатленный во

всех подробностях образ горящих складов, соседствует с символично-аллегорическими обобщениями и публицистическими зарисовками «кочевого» быта леспромхоза.

Иван Петрович, человек совестливый и работающий, пытается противостоять напору хаоса местных «архаровцев». Он ощущает себя на грани истощения, на краю могилы, не может преодолеть внутренний душевный конфликт. Он понимает, что прямолинейное обличение людей, прямой призыв «жить по совести» не достигают цели. Ему, как заметила С. Семёнова, не хватает творческого начала в этой борьбе со злом, которое могло бы «захватить самих «зараженных»», ибо моральное излечение невозможно без активности самого больного.

Главный рефрен повести – неустойчивость бытия, смещение нравственных ориентиров: «Перед глазами все смешалось, – писал Распутин, – пожар изнутри и пожар настоящий, те и другие огни наплывали и кипели вместе».

«Женский разговор»

Главная тема всех произведений Валентина Распутина – столкновение ценностей народной жизни, вековых традиций с агрессией «цивилизации» – не подлинной, но демагогической, поверхностной, стала особо заметна в его постперестроечных произведениях. В рассказах и повестях последних двух десятилетий боль за человека становится особенно острой, а сама проза обретает публицистический накал. Но «испытания даны были не для того, чтобы приходить в отчаяние», – говорит сам Распутин. И надежда на то, что человек не потеряет себя в круговерти нынешней нелегкой жизни остается...

Именно возрождению надежды, возрождению души и духа посвящен его рассказ «Женский разговор», напечатанный в 1995 году в журнале «Москва». В нём писатель показал встречу двух поколений – «внучки и бабушки». Внучка Вика – это рослая, налитая девка шестнадцати лет, но с детским умишком: «головка отстаёт», как говорит бабушка,

«задаёт вопросы там, где пора бы с ответом жить», «скажешь – сделает, не скажешь – не догадается». «Затаённая какая-то девка, тихо-омутная»; в городе «связалась с компанией, а с компанией хоть к лешему на рога». Бросила школу, стала пропадать из дому. И случилось то, что должно было случиться: Вика забеременела и сделала аборт. Теперь её «на перевоспитание» отправили к бабушке, «пока не опомнилась».

Чтобы лучше понять героиню, нужно дать ей речевую характеристику. Вика – «затаённая какая-то», – говорит сам автор, это заметно и по её речи. Говорит она мало, фразы короткие, решительные. Часто говорит нехотя. В её речи много современных слов, но понимают эти слова они с бабушкой по-разному. Бабушка о современной жизни говорит так: «На какой-то холодный, продуваемый простор выгнан человек, и гонит его неведомая сила, гонит, не давая остановиться». И вот эта современная девушка оказывается в новой для себя обстановке, в глухой деревне. Деревенька, видимо, небольшая. В домах печное отопление, телевизора нет, за водой надо идти к колодцу. Электричество бывает в доме не всегда, хотя рядом – Братская ГЭС. Люди рано ложатся спать. Сюда отправили Вику, потому что хотели «оторвать» её от компании. Может

быть, понадеялись на то, что бабушка сумеет заставить Вику взглянуть на жизнь по-новому. До сих пор никто не сумел подобрать ключи к душе Вики. Да и некогда было это сделать.

О бабушке Наталье мы узнаём, что она прожила долгую, трудную, но счастливую жизнь. В восемнадцать лет «перешла старое платье под новое» и в голодный год невенчанной вышла замуж. Бабушка Наталья считает, что ей повезло с мужем: Николай мужик твёрдый, ей за ним было легко жить: «Знаешь, что и на столе будет, и во дворе, и опора для ребятшек». Жену свою Николай любил. Он погибает на войне, наказав своему фронтовому другу Семёну опекать Наталью. Долго не соглашалась Наталья выйти за Семёна, но потом поняла, что нужна она ему, что без неё «он долго не протянет». «Смирилась и позвала его». «Он пришёл и стал за хозяина». О своём втором муже Семёне она говорит так: «Когда он прикасался ко мне... струнку за стрункой перебирал, лепесток за лепестком. Чужой так не сумеет».

«Улыбистая, – говорит Наталья о себе. – Во мне солнышко любило играть, я уж про себя это знала и набиралась солнышка побольше».

И вот эти столь разные, но живущие под одной крышей, родные по крови женщины заводят разговор о жизни. Этот разговор – противостояние двух миров, двух мировоззрений, их противоборство, от исхода которого зависит судьба человеческой души.

Инициатива в руках бабушки Натальи. И на протяжении их разговора мы понимаем состояние Вики. Ей «всё надоело...» В ней явно что-то сломалось, и она не знает, как жить дальше.

Бабушке важно услышать от Вики ответ на свой вопрос: «... сройство у тебя это было или грех? Как ты сама-то на себя смотришь?»

Бабушка не простила бы никогда сознательного греха. С каждым грехом человек теряет часть самого себя. Недаром бабушка говорит: «Такую потрату на себя приняла!» А для Вики этот поступок был своеобразным геройством.

Наталье хочется, чтобы внучка собрала себя, сохранила себя по капельке, подготовила себя к замужеству. У Натальи своё представление о невесте. «Ласковая, да чистая, да звонкая, без единой трещинки, какая белая, да глядистая, да сладкая». Также мы узнаём о том что значит любить в представлении Натальи и какой была их любовь с Семёном.

«Любовь была, как не быть, да другая, ранёшная, она куски, как побирушка, не собирала. Я как думала: не ровня он мне. Зачем мне себя травить, его дурить, зачем людей смешить, если никакая мы не пара? На побывку к себе брать не хотела, это не для меня, а для жизни устоятельной ровня нужна». Было уважение друг к другу, внимание, забота, общая цель, жалость, сочувствие – это и составляло основу жизни, было любовью «ранёшной».

Этот разговор важен для обеих: бабушка, рассказывая о себе, передаёт свой жизненный опыт, взгляды на жизнь, поддерживает внучку, вселяет в неё уверенность, создаёт основу для дальнейшей жизни – устою, как она говорит сама.

А для Вики этот разговор – начало новой жизни, осознание своего «я», своего назначения на земле. Разговор затронул Вику, «неспокойно засыпала девочка – подёргивались, одновременно вздрагивая, ...оглаживала живот, дыхание то принималось частить, то переходило в плавные неслышные гребки».

Так в Вике зарождался новый человек, «человек духовный», направленный к жизни «устоятельной», как говорит Наталья, потому что без «устои так тебя истреплет, что и концов не найдёшь».

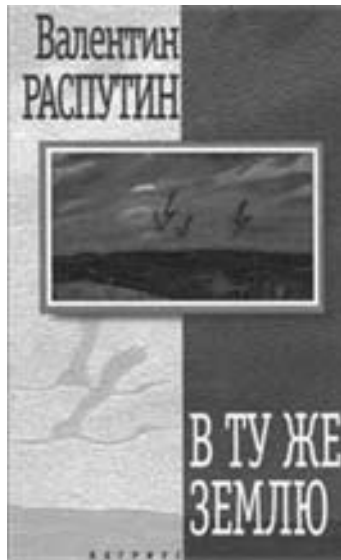
«В ту же землю»

Одновременно с «Женским разговором» был опубликован рассказ «В ту же землю». А.И. Солженицын отметил его среди поздней прозы В.Г. Распутина как произведение, в котором автор подчеркивает, что русский народ не только лишили права достойно жить на своей земле, но и достойно умереть, «мирно отдать прах матери-земле»: «Выделим гнетущий рассказ большой силы «В ту же землю». На окраине микрорайона города, в котором воздух, растительная и человеческая жизнь необратимо протравлены заводскими выпусками фтора, живёт одинокая Пашута. Последняя из сестёр, трое умерли, она взяла к себе из деревни уже беспомощную мать. У самой-то «не окоченевшее до конца тело выгибается в поясице с сухим треском – будто косточки ломает». А мать – «оттолкнулась последним вздохом», вот умирает; и «такой покой был на её лице, будто ни одного, даже маленького дела она не оставила неоконченным». И – как хоронить? В деревне бы – куда как просто. А здесь первое: все цены теперь вскружились

в десятки и десятки раз, нечего и думать купить гроб. А ещё главней: мать не прописана здесь и никто не выпишет ей свидетельства о смерти; а без свидетельства – не похоронишь. Конечно, за деньги можно получить всё – но денег-то и нет. «Время настало такое провальное: все кругом, все никому не нужны», всё, что питает добро, пошло на свалку, «жизнь открылась сплошной раной».

Не только стало нельзя жить, но у нас отняли и сокровенное, священное право – мирно отдать прах матери-земле.

О гробе – Пашута просит работягу, в прошлом близкого ей человека. Но где и как хоронить без дозволения? «Если всё от начала до конца пошло не так, то по нетаку и это – так». На окраине микрорайона – свалка, пустырь, он «захламлён, набит стеклом, завален банками и пакетами»; но и дальше пустыря – «зачернён кострищами, затоптан, загажен и ближний к городу лес». Даже за тем ещё б отодвинуться дальше, но ведь так, «чтоб

добираться же к могиле уже неходящими ногами». Спутник Пашуты помогает ей найти сухую полянку дальше в лесу. Однако: запретные похороны надо и провести тайно – значит, ночью, и выкопать могилу, и беззвучно же вынести гроб – «телоприимную обитель» – по лестнице общего дома, и везти до места. Уже на рассвете закопали, под первым снежком, как бы «дарующим прощение за незаконные действия». На лице у пашутиного друга «странная и страшная улыбка – изломанно-скорбная, похожая на шрам, с отпечатлевшегося где-то глубоко в небе образа обманутого мира».

Тайная могила, запретные похороны, снег как Покров на могилу усопшей... Разве не судьба всего русского народа предстает в этом рассказе? Разве в образе деревни, стоящей «под небом» (= под Богом), в образе сибирских просторов, где некая власть вершит свою волю, руша все вековые устои, не видится нам вся Россия?

Автор не даёт «власти» ни имени, ни фамилии, ни должности. Некие «они» – множественная безликая масса, безответственная по отношению к судьбам народа. Они жаждут дач, машин, дефицитов и находятся они в Приангарье до получения выслуги, а потом едут на юг, где заранее для них возводятся дома.

«Деревня ещё стояла под небом» (под государством уже не стояла). Не было ни колхоза, ни совхоза, ни магазина. «Отпустили деревню на полную райскую волю». Зимой всё заносило снегом. Мужики промышляли. И пили, пили. «Ничто не стало нужно». А деревня? Брошенная, она ждёт, кому бы отдался, кто бы хлеб привозил. Обращает на себя внимание полное отсутствие прав человека. То один, то другой правит, но во имя чего? Власти довели жизнь до абсурда. Деревня стала нищим потребителем, ожидающим, кто хлеб привезёт. Это деревня-то. Деревня, утратившая свою сущность.

И город не лучше. Его характеристика дана в форме газетной статьи. Алюминиевый завод, лесопромышленный комплекс. Всё перечисленное создаёт облик расплывшегося чудовища, которому нет границ.

Хаос и беспредел, окруженный свалками и пожарищами. Строили город будущего, а выстроили «медленно действующую камеру» под открытым небом. Эта метафора усиливает звучание произведения. Гибнет всё живое. Газовая камера не имеет границ, так же как и город. Это геноцид по отношению ко всему русскому народу.

Все что осталось героям произведения, все их надежды и устремления – это маленькое незаконное кладбище на лесной поляне, на котором уже возникли три холмика. Там хотят быть и Стас Николаевич, и Пашута.

Но автор не хочет даже в это тяжелейшее для народа время («бывали хуже времена, но не было подлей») совсем лишать читателя надежды.

Танька, внучка Пашуты, сподвигла Пашуту пойти в храм после тяжёлого разговора со Стасом Николаевичем. «Впервые вошла она под образа, с огромным трудом подняла руку для креста. Под сводами нового Храма искали утешения всего несколько человек. Неумело Пашута попросила и для себя свечей, неумело возгла их и поставила – две на помин души рабов Божьих Аксиньи Егоровны и Серёги, и одну во спасение души Стаса Николаевича».

Власть, враждебная народу, уничтожающая народ духовно и физически, оставляющая народу одну возможность (да и то незаконную) – лечь в эту землю, отравленное беспросветное существование для новых поколений, у которых остается надежда только на Бога – вот мир, который видит автор вокруг себя в России середины 90-х годов XX века.

Можно сказать, что Апокалипсис уже свершился, и герои «Пожара» попали за грехи

тяжкие в свой персональный круг ада – котлован, черное пожарище, заваленное мусором, отравленный воздух, власть бесов без имени и образа...

И у читателя остается один вопрос: возможно ли – нет, не возрождение уже – а воскресение русского народа?

«Дочь Ивана, мать Ивана»

Ответ на этот вопрос В. Распутин дает в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (Наш современник. 2003. №11). В центре произведения судьба рядовой русской семьи, выброшенной на обочину рыночной жизни. Главная героиня – столь любимая писателем сильная русская женщина. Тамара Ивановна Воротникова, волею обстоятельств, была вынуждена взять в руки отцовский обрез и застрелить насильника своей несовершеннолетней дочери. Мать семейства, защищая честь и безопасность своих детей, вершит над преступниками собственный суд.

Сам писатель рассказывал о работе над этим произведением: «С повестью я провозился долго. Начинал и бросал, снова начинал и снова бросал. Останавливал самосуд Тамары Ивановны, чем бы он ни вызывался, какой бы безысходностью ни под-

талкивался. Можно было допустить, что в сложившихся обстоятельствах (а обстоятельства эти черным пологом облегли всю Россию) – не оказалось у нее другого выхода: на войне как на войне. Однако имеет ли право писатель на оправдание выстрела? Но и обойти этот случай каким-нибудь виртуозным ходом я не мог, это сразу перекрывало мне возможность говорить откровенно. Моя героиня и сама не может оправдывать себя, до конца жизни ей предстоит тяжелейшие нравственные муки, которые ни приговором, ни зоной среди таких же несчастных, не снимутся. Но еще страшнее и мучительнее была бы ее жизнь, если бы она позволила преступнику торжествовать победу и до последнего дыхания издеваться над ее правдой. Для нее это значило бы, что мир в своих нравственных и законополагающих основаниях перевернулся, и никто не собирается устанавливать его на прежнее место. Подобные чувства испытывал и автор» (Российский писатель. 2004. №3. С. 9)

На столь характерный для русской души вопрос: «Можно ли победить зло насилием?», главная героиня (и автор) для себя отвечает положительно – выстрелом. Быть может, это и есть ключ к дверям из ада, опровержение надписи над ними – «оставь надежду всяк сюда попавший»?

«КОСТРОВЫЕ НОВЫХ ГОРОДОВ»

Публицистика В.Г. Распутина
конца 50-х – 60-х гг.

Публицистика была первой любовью Распутина и осталась таковой навсегда. Уже в ранней его публицистике обнаруживается единство социально-психологического и духовно-нравственного поиска писателя, развитое впоследствии с особой силой в повестях и рассказах.

Публицистичность является существенным моментом творчества писателя. В процессе журналистской работы В. Распутин обращается и к жанру очерка, в котором публицистичность вырастает в эссеизм и соединяется с повествовательностью («Край возле самого неба», «Вниз и вверх по течению»).

Писатель по этому поводу сказал: «От фактографического очерка я переходил к рассказу, к увиденному и услышанному журналистом я стал как бы добавлять «от себя». Во мне проснулось авторское «я». Я стал ощущать себя наряду с героями моих рассказов и очерков» (Панкеев И.А.).

Исследование публицистики В.Г. Распутина позволяет выявить становление и развитие мировоззрения писателя от конца 1950-х годов до настоящего времени. По мнению П.П. Каминского, в публицистике В. Распутина можно выделить три основных этапа: первый – с 1957 по 1966 г., второй – с 1966 по 1979-й, и третий – с 1979 по 2000-е годы.

Начало творчества Распутина-публициста приходится на хрущевскую оттепель и его публикации вписывались в официальный «дискурс», т.е. нравственный па-

*Молодой Валентин Распутин,
первая фотография*

фос автора совпадает с идеологией утопии «оттепельного поколения». В.Г. Распутин в своей публицистике творил образ идеального человека, т.е. нравственного, ответственного и сознательного.

Работая сначала внештатным, а потом и штатным сотрудником газеты Иркутского обкома ВЛКСМ «Советская молодежь», В. Распутин с 1957 по 1961 г. публикует 97 своих материалов.

Об этом в своих статьях пишет Н.С. Тендитник, подробно описывая биографию писателя: «Первые публикации В.Г. Распутина появились в 1957 году в газете «Советская молодежь», ...а ранее и в университетской многотиражке «Иркутский университет», появляются статьи, репортажи, критические корреспонденции о студенческой жизни, о школах, пионерских дружинах, милиции. Печатался под псевдонимом Р. Валентинов, В. Каирский, а чаще всего под собственным именем».

В августе 1961 года В.Г. Распутин увольняется из редакции «Советская молодежь» и поступает на должность редактора литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения. Проработал он здесь менее года и был уволен за передачу о писателе П. Пе-

трове. В.Г. Распутин пострадал за попытку публичной реабилитации писателя, возглавлявшего иркутскую писательскую организацию в 30-е годы.

Публицистика во многом определяет своеобразие прозы В.Г. Распутина, примером чего служит сочетание публицистичности и художественного слова в его первом рассказе «Я забыл спросить у Лешки», напечатанном в январском-февральском 1961 года номере альманаха «Ангара». В нем повествуется о судьбе трех товарищей на большой сибирской стройке, о неприятии ими проявления бюрократизма и равнодушия к человеку, вызвавших острый социальный конфликт, гибель главного героя, Лешки и нравственное пробуждение его друзей.

В 1962 году писатель уезжает в Красноярск и работает литсотрудником газеты «Красноярский рабочий», позже переходит на должность спецкора газеты «Красноярский комсомолец», много бывает в командировках, особенно на строительстве дороги Абакан – Тайшет. Так же В.Г. Распутин побывал на Красноярской ГЭС, у первооткрывателей Талнаха и у охотников Тофаларии. В газетах «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец»,

«Советская молодежь», «Восточно-Сибирская правда», в альманахе «Ангара» началась публикация рассказов и очерков о жизни комсомольцев и молодежи Красноярского края: «Ты пламя берешь» (1964, 13 сентября); «По Крольскому тоннелю прошел первый поезд» (1965, 24 января); «Ребята верят...» (1964, 25 ноября); «От солнца до солнца», «Из Тофаларского дневника» (1964, 19, 20 декабря); «Возвращение» (1965, 17 января); «Слушайте, Абакан и Тайшет...» (1965, 27 января); «Дай руку, Тайшет» (1965, 29 января); «Там, за Кролом, восток» (1965, 31 января); «Ну, здравствуй, дорога» (1965, 5 февраля); «Слет первопроходцев» (1965, 7 марта); «Поездам снятся дали» (1965, 10 марта); «Подари себе город на память» (1965, 27 июня); «Володя и Слава» (1965, 15 августа); «Пять последних шагов» (1965, 20 августа); «Вот и все – начинайте сначала» (1966, 16 февраля).

Из них затем родились книга очерков и рассказов «Край возле самого неба» (Иркутск, 1966) и сборник публицистики «Костровые новых городов» (Красноярск, 1966). Распутин-публицист и Распутин-прозаик появились на свет одновременно.

Работа в молодежных газетах обусловила тематическую специализацию Распутина-

журналиста, тип его литературного героя и его авторскую оценку. Положительный герой В.Г. Распутина – ударный труженик, активный общественник, сознательный гражданин – «настоящий советский человек». Он характеризуется непротиворечивостью и внутренней цельностью.

Как писал П.П. Каминский («Время и бремя тревог»), на содержание и тональность ранних публикаций В. Распутина в газетной периодике в значительной степени воздействовали как идеология хрущевской «оттепели», так и чисто профессиональные факторы: политика редакций, принципы отбора тем, способы их жанрового и стилистического воплощения, формы организационно-массовой работы (работа с письмами, рейды и комсомольские посты, выездные редакции и т.д.), принятые как в советской прессе вообще, так и в комсомольских газетах в частности. Публикациям свойственен критический пафос, проблемные материалы имеют прямой инструктивный характер и в полной мере реализуют установку советской журналистики периода оттепели быть инструментом общественного контроля. Одним из главных объектов критики были случаи неудовлетворительной работы первичных комсомольских организаций: критические корреспонденции о плохом

руководстве, организации труда молодежи на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, соцсоревнования, политической учебы, культурно-массовой и просветительской работы, срывах выполнения соцобязательств и т.д. В каждом случае В. Распутин называет имена ответственных за такое положение вещей. В вину секретарям комсомола ставится бездействие или недостаток инициативы, равнодушие к общественной работе – безответственное отношение к коллективу, к каждому из его представителей, к общим задачам коммунистического строительства: «Что-то тихо вы живете, не разжигаете костров, не поете песен. Где-то разменяли вы на мелочи традиции первых целинников».

Иркутский поэт М. Сергеева о совместной работе с В.Г. Распутиным летом 1959 г.: «Мы работали азартно, яро, носились по накаленным от страдного напряжения полям Аларского и Нукутского районов, сочиняли оды передовикам и филиппики нерадивым, спали мало, работали в общем для всех «номере» сельской гостиницы, на ходу газика, зеленым кузнечиком прыгающего по огромным просторам, на подножке комбайна, пока закусывал комбайнер, в чаду пунктов заготовлено, вершивших суд, проверяющих зерно

на чистоту и влажность. С листа – в номер. Утром в поле – вечером в газете, такова была наша продукция. ... У каждого из нас был свой стиль, и более всего это относится именно к Распутину, умевшему уже тогда в человеке, с которым беседовал накоротке, почувствовать главное – его душевный стержень. И уже в первых очерках его в «Советской молодежи», в коротких репортажах и портретах нашей боевой выездной, виден его характер, его внутреннее напряжение, биение дарования».

«При всей критичности взгляда В. Распутина на действительность, – пишет П.П. Каминский, – будущий писатель в этот период был искренне убежден, что все язвы общественной жизни могут быть искоренены, с одной стороны, эффективной организационной и воспитательной работой комсомола, социалистическим соревнованием и т.п., а с другой, человеческим участием, простыми товариществом и любовью. Например, в очерке «Страшное позади» (1959) В. Распутин изучает тяжелую судьбу Анатолия Замыцкого, исключенного из Иркутского университета за нарушение общественного порядка. Бывший студент попадает в тюрьму, после освобождения ведет асоциальный образ жизни. Элементы психологического анализа прояв-

ляются в том, что сложность характера героя очерка мотивируется судьбой – беспризорное детство, детдом, – а не природой человека, поэтому В. Распутин утверждает, что даже за пьяницу, хулигана и тунеядца обществу необходимо бороться. Родовая, общинная забота о человеке понимается как свойство всей социальной жизни.

В портретном очерке иркутского периода В. Распутин впервые начинает опыты с психологией персонажей. Он пытается моделировать внутренний мир как положительного, так и отрицательного героя, воспроизводит его душевные состояния и переживания. Например, очерк «Я спою тебе новую песню» (1959) – изложение интимного монолога рабочего Усть-Удинского леспромхоза Л. Р-на, брошенного женой за пьянство. Страдающий герой вспоминает некогда счастливую семейную жизнь, терзается чувством вины, ощущает ответственность за детей и исправляется. Этот и многие другие очерки отличает высокая степень психологической достоверности; достаточно рано В. Распутин проявляет себя как тонкий психолог. С 1959 г. – («Байкал бушевал») В. Распутин экспериментирует с зарисовками природы, в чем достигает значительного успеха в очерках о Тофаларии.» (Ка-

минский П.П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина)

Уже в начале 1960-х годов в журналистском творчестве В.Г. Распутина оформляются две основные тенденции – героическая и онтологическая. Первая возникает в репортажах и очерках о жизни бодайбинских приисков и строительстве Братской ГЭС и развивается в период работы писателя в «Красноярском комсомольце». Вторая воплощается в цикле очерков о Тофаларии и ряде других работ. В них впервые прозвучала дорогая для Распутина идея о присутствии душ погибших среди живущих. Она незаметно контрастировала с пафосом «покорения природы», который навсегда ушел из творчества Распутина после 1960-х.

Именно в очерках о Тофаларии складываются основы распутинской онтологии и писатель впервые проявляет себя как философ. Об этом свидетельствует художественный очерк «Вниз по течению» (в поздних публикациях – «Вниз и вверх по течению»), опубликованный в журнале «Наш современник» в 1972 году и почти не замеченный критикой. В нем впервые раскрывается пессимистический взгляд Распутина на возможности технократического переустройства мира. Это была определенная

мировоззренческая граница в жизни писателя, на которой очерк стал пограничным столбом.

В. Астафьев писал об этом произведении В.Распутина и об отношении к нему самого автора: «Завершив очень важный начальный этап в работе, он как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли» (Роман-газета. 1978. №7).

БИТВА ЗА БАЙКАЛ

Публицистика В.Г. Распутина
конца 70-х – 80-х гг.

До самого конца 1970-х годов В. Распутин практически не обращается к публицистике. В то же время он дает много интервью и выступает публично, в основном, по вопросам эстетики, литературы и искусства, пробует себя в литературной критике, пишет очерки о творчестве и предисловия к публикациям сибирских писателей: Г. Машкина, В. Сидоренко, А. Преловского, А. Ольшанского, В. Золотухина, предисловие к сборнику собственных повестей, воспоминания о друге А. Вампилове и пр. (П.П. Каминский).

Но в конце 1970-х – начале 1980-х Распутин вновь обращается к публицистике («Поле Куликово», «Абстрактный голос», «Иркутск с

нами» и др.). С 1979 г. публикуется более двух с половиной сотен очерков, статей, рецензий, выступлений, высказываний В. Распутина.

Для публицистики В. Распутина 70-х – 80-х гг. характерна конкретная позиция по отношению к современным писателю событиям, фактам, явлениям общественной жизни. Она работает на результативность: действенность (привлекает внимание институтов власти, ответственных лиц к проблемам, будь то Байкал, повороты рек, затопление плодородных земель под водохранилища и гидроэлектростанции) и эффективность (заставляет каждого читателя вчитываться, всматриваться, вслушиваться в проблемы, не оставляя никого равнодушным).

В.Г. Распутина больше, чем других писателей-«деревенщиков» настораживает городская цивилизация, унифицирующая и заключающая живое вещество бытия в унылый, просеянный сквозь рационалистическое сито стандарт, что отражается в его публикациях 1970-х – 1980-х годов.

Взаимосвязь природы с судьбой человека занимают в творчестве В.Г. Распутина определяющее место. Любое произведение писателя отражает эту предопределенную связь при-

роды, общества и человека. У В.Г. Распутина к природе особое отношение. «Он влюблен в нее сыновней любовью и свидетельствует об этом всем своим творчеством» (Сирин А.Д. Свет распутинской прозы).

И потому не удивительно, что в творчестве В.Г. Распутина того времени значительное, если не центральное место занимает защита природы и, прежде всего, голубой жемчужины планеты, озера Байкал.

А.И. Солженицын говорит об этой – первой и вечной – любви писателя: «...у Распутина есть замечательные сибирские очерки – об

Алтае, Лене и Русском Устье – легендарном поселении на берегу Ледовитого океана, где колония новгородцев сохранила до нашего несчастного XX века – неповреждённые с XVI века язык и обы-

*Валентин Григорьевич
Распутин, 1970-е годы
(Фото Бориса Дмитриева)*

чаи. Если вспомнить тут и Байкал, и Ангару – Распутин выступает нам как уникальный певец Сибири и среди самых стойких защитников её».

*Валентин Распутин.
Дом на берегу Ангары, 1970-е годы
(Фото Бориса Дмитриева)*

Чувство любви писателя к родной земле с особой силой проявилось в историко-краеведческом полотне «Сибирь, Сибирь...», посвященном родному краю, повествовании-обозрении, охватившем и красивейшие города, и заповедные природные уголки. Распутин создал образ величественного, щедрого на природные богатства края, заявив, что «нет ничего в мире, что можно было бы поставить в один ряд с Сибирью» (Распутин В.Г. «Что в слове, что за словом?»).

«Сибирь, Сибирь...», пополняемая с каждым выпуском новыми главами, свидетельствует: земля Байкала и Ангары породила писателя В.Г. Распутина для того, чтобы он сказал о ней словами, достойными ее красоты и мощи, стал ее защитником в бедах и горестях. Книга открывает перед читателем необыкновенно прекрасную заповедную «страну Сибирь», рассказывает об ее истории, о подвигах легендарного Ермака и других первопроходцев, о характере сибиряков, о вкладе первых сибирских городов в развитии торговли и культуры в крае. Размышления писателя о прошлом, настоящем и будущем Сибири – это по существу размышления о проблемах планетарного масштаба, о будущем землян. Книга о Сибири дополняется глубокими и бесстрашными

публицистическими выступлениями автора по самым мучительным и жизненно важным российским вопросам.

Автор поднимает страстный голос в ее защиту. «С любовью и оберегом должно относиться к родной земле, другого не дано» (Распутин В.Г. «Сибирь, Сибирь...»), — утверждает В.Г. Распутин.

А начиналось все так.

В 1981 году был опубликован очерк Распутина «Байкал» («Советская культура, 1981, 15 мая). Образ Байкала был представлен автором в его мистической красоте и природной ценности. В.Г. Распутин обращается в нем не столько к разуму читателя, сколько к совести, к воображению.

Описание Байкала В.Г. Распутин начинает с цитаты из Аввакума: «При возвращении из даурской ссылки «неистовому» протопопу пришлось летом 1662 года переправляться с

восточного берега моря-озера на западный, и он пишет о Байкале:

«...Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, – двадцать тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – больши романовского луковицы, и сладок зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы

*Валентин Распутин в старом Иркутске,
начало 1980-ых
(Фото Бориса Дмитриева)*

*Зрелые годы. Валентин Распутин
(Фото Бориса Дмитриева)*

для человека, чтоб, успокояся, хвалу богу воздавал».

«Святое море», «святое озеро», «святая вода» – так называли Байкал с незапамятных времен и коренные жители, и русские, пришедшие на его берега уже в XVII веке, и путешествующие иноземцы, преклоняясь пред его величественной, неземной тайной и красотой».

Байкал предстает у Распутина как живое, мистическое, уникальное живое творение,

которое, как и Россию, «аршином общим не измеришь»: «Со временем Байкал обмерили и изучили, применив для этого в последние годы даже и глубоководные аппараты. Он обрел определенные размеры и по ним

*Валентин Распутин. Индигирка, 1985 год.
(Фото Бориса Дмитриева)*

стал сравним: его сравнивают то с Каспием, то с Танганьикой. Вычислили, что он вмещает в себя пятую часть всей пресной воды на нашей планете, объяснили его происхождение, предположили, как могли зародиться в нем нигде больше не существующие виды животных, рыб и растений и как сумели попасть в него виды, существующие за многие тысячи километров в других частях света. Не все эти объяснения и предположения согласуются даже и между собой. Байкал не столь прост, чтобы так легко можно было лишиться его таинственности и загадочности, но тем не менее, как это и должно быть, по своим физическим данным он поставлен на соответствующее ему место в ряду величин описанных и открытых. И он стоит в этом ряду... потому лишь, что сам-то он, живой, величественный и нерукотворный, ни с чем не сравнимый и ни в чем нигде неповторимый, знает свое собственное извечное место и свою собственную жизнь».

Байкал – священное море, которое свято для автора «...своей чудесной животворной силой, духом не былого, не прошедшего, как многое ныне, а настоящего, не подвластного времени и преобразованиям, исконного величия и заповедного могущества, духом самородной воли и притягательных испытаний».

Байкал для писателя – один огромный чудесный кристалл, озеро, оказывающее глубокое нравственное воздействие на живую человеческую душу: «А очищающее, а вдохновляющее, а взбадривающее и душу нашу, и помыслы действие Байкала!.. Ни учесть, ни пометить его нельзя, его опять-таки можно только почувствовать в себе, но с нас достаточно и того, что оно существует».

В статье «Видя вокруг прозрения слепых...» В.Г. Распутин признается, что Байкал для него – буквально питающая сила: «Это...

*Часовня на Индигирке
(единственная за полярным кругом)
Валентин Григорьевич Распутин, 1985 год
(Фото Бориса Дмитриева)*

нечто живое, отцовское, плоть от плоти и соль от соли которого все мы, живущие рядом, происходим». Вдали от Байкала писатель чувствует себя одиноко: «Я заболеваю, словно сиротею, появляется чувство угнетенности».

«Природа сама по себе всегда нравственна, безнравственной ее может сделать лишь человек, – пишет в очерке «Байкал» Распутин. – ...Байкал создан, как венец и тайна природы, не для производственных потребностей, а для того, чтобы мы могли пить из него вволю воду, главное и бесценное его богатство, любоваться его державной красотой и дышать его заповедным воздухом».

Противодействие тем, кто хочет «сделать природу безнравственной» и есть одна из главных целей публицистики Валентина Григорьевича Распутина. Это попытка не просто спасти природу, а остановить расчеловечивание человека. Автор настроен оптимистически и в конце очерка высказывает надежду даже не на здравый смысл, а на нравственный закон внутри нас: «Когда-то эвенк на берегу Байкала, перед тем как срубить для надобности березку, долго каялся и просил прощения у березки за то, что вынужден ее погубить. Теперь мы стали иными. И все-таки, не оттого ли и в состоянии мы удержать занесенную уже не

под березкой, как двести и триста лет назад, а над самым батюшкой Байкалом равнодушную руку, что возвращаем ему сторицей вложенное в нас природой, в том числе и им?! За добро добром, за милость милостью – по извечному кругу нравственного бытия...»

Очерк «Байкал» вошел впоследствии в историко-краеведческий сборник «Сибирь, Сибирь...», первоначально опубликованный в издательстве «Молодая Гвардия» в 1991 году, и затем неоднократно переиздававшийся и переведенный на английский язык. От выпуска к выпуску «Сибирь, Сибирь...» все печаль-

*Валентин Распутин возле остатков Колымлага.
Берег Ледовитого океана, 1985 год
(Фото Бориса Дмитриева)*

нее выводы автора. В третьем издании, в последнем очерке есть такие строки: «Не одно столетие Сибирь пыталась снять с себя ярмо российской колонии, а теперь кончается тем, что ей приготовлена участь мировой колонии...»

Книга состоит из нескольких разделов, которые посвящены конкретным регионам Сибири: городу Тобольску, озеру Байкал, городу Иркутску, Алтаю и Кяхте. Распутин описывает жизнь людей XVIII–XIX веков в изолированных общинах на Русском Устье с архаичными обычаями и диалектами. «Сибирь, Сибирь...» является и историческим обзором региона, и обличением попыток использовать природу Сибири без оглядки на экологию и традиции, что Распутин рассматривает как вредительство и свидетельство морального упадка общества.

В начале 1950-х годов появилась угроза оскудения Байкала. «Поубавились уловы омуля, знаменитой байкальской рыбы» – пишет Распутин в книге «Сибирь, Сибирь...». В послевоенные голодные годы «черпали из Байкала до ста тысяч центнеров только для государства и неизвестно сколько для себя». Вырубалась тайга, «лес сплавляли по речкам, по которым омуль шел на икрOMET, перекрыли

ему пути для продолжения рода. Из четырех популяций омуля осталось три».

Но настоящая беда пришла в 1953 году, когда было решено ставить на Байкале целлюлозные заводы. Так как потребовалась для «отмывки» целлюлозы чистая вода с минимальной дозой минеральных веществ. Только три источника отвечали этому требованию – Ладога, Телецкое озеро на Алтае и Байкал.

Кладбище у колымлага. Валентин Распутин.

1985 год

(Фото Бориса Дмитриева)

В 1958 году на месте будущего Байкальска появились первые строители, а чуть позже развернулись работы на Селенге, где и началось сооружение целлюлозно-картонного комбината.

Год за годом, десятилетие за десятилетием разворачивается борьба писателя за родную Сибирь, за Байкал и главным оружием в этой борьбе для Распутина служит публицистика. Этот жанр позволяет Распутину добиться быстрого отзыва, мгновенной реакции. Писатель напоминает о том, что романы пишутся долго и как бы хорошо они ни были написаны, как бы горячо не защищали, скажем, природу, природа на момент выхода романа в свет может измениться до неузнаваемости: «Это заставляет писателя-гражданина отложить «вечное» перо и взяться за то, которым водят неотложные нужды нынешнего дня. Терапевтическое, долговременное воздействие литературы на человеческую душу как постепенное ее воспитание может, к несчастью, опоздать. Таким образом, публицистика сегодня – это не цеховое занятие, а долг каждого неравнодушного к судьбе своей родины писателя. Самое время требует публицистики».

И в то же время Распутин трезво оценивает возможности публицистики: «Когда скорые на руку по отношению к сложившемуся укла-

ду жизни хозяйственники, поспешно расписав в своих кабинетах российскую деревню на «перспективную» и «неперспективную», принялись с невиданной горячностью, достойной других забот, уничтожать «неперспективную», художественное слово, будь сейчас живы даже великие его мастера – Гоголь, Тургенев, Толстой, Бунин, – не в состоянии было бы остановить подобную деятельность. К сожалению, не остановила ее и публицистика...»

К началу 1980-х годов плоды промышленного освоения байкальского побережья ста-

*Распутин с японской переводчицей. 1980-ые годы
(Фото Бориса Дмитриева)*

новились все более очевидны общественности, которую представляли известные ученые, писатели (О.В. Волков, Г.И. Галазий, О.К. Гусев, Ф.Н. Таурин, В.А. Чивилихин, М.А. Шолохов, А.Л. Яншин и др.). В середине 1960-х не удалось предотвратить строительство Байкальского целлюлозно-бумажного и Селигинского целлюлозно-картонного комбината. Дискуссия по проблеме сохранения мирового наследия продолжалась. Принятые в 1960-1970-е годы постановления Совета министров СССР природоохранного характера (таких документов было три), запрет на сплав и вырубку прибрежных байкальских лесов притупили на время остроту дискуссии. Однако грязное пятно промышленных стоков БЦБК на поверхности озера разрасталось, нормы очистки нарушались, шло усыхание тайги.

В результате многочисленных публицистических выступлений, В.Г. Распутину в 1980-х годах удалось оказать определенное влияние на ситуацию. Было принято правительственное постановление «О мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных ресурсов бассейна озера Байкал». Однако этого оказалось мало для спасения Байкала, и писатель продолжил свою борьбу.

В «Известиях» за 17 февраля 1986 года появилась статья Распутина «Байкал у нас один», написанная в разгар борьбы за чистоту озера и свидетельствующая об активной позиции писателя. Он рассказывает о своей безрезультатной встрече с министром лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности М.И. Бусыгиным и его заместителями.

«Что имеем... Байкальский пролог без эпилога» – третья распутинская статья в сборнике «Слово в защиту Байкала» (впервые опубликованная в «Правде» за 11 мая 1987 года) – уже более спокойное, аналитическое рассуждение о недавних событиях. В ней примечательны наблюдения о том, какими методами действуют покорители природы, наделенные властью, и понимание того, что общество раскололось на «реактивное» и «остаточное» (Н.С. Тендитник) мышление, и каждое утверждает собственное понимание цивилизации.

К концу 1980-х появилось ощущение, что пагубный ход вещей все-таки можно остановить. Началась подготовка нового, четвертого, постановления по охране Байкала. В.Г. Распутин входит в созданную для этого комиссию, участвует в разработке предложений, высту-

пает на собраниях партийно-хозяйственных активов Бурятии и Иркутской области.

Была надежда, что намечаемая правительством комплексная программа по сохранению лесов и вод Байкала позволит озеру вздохнуть легче, были и сомнения – министерства по-прежнему не исполняли своих обещаний, а сроки перепрофилирования БЦБК отодвигались на следующую пятилетку. Все завершилось тем, что четвертое постановление по Байкалу в апреле 1987 года появилось. Среди главных мер – ликвидация БЦБК к 1993 году, перенос производства в Усть-Илимск, введение на Селенгинском комбинате замкнутого цикла водопользования. Для контроля за выполнением этого постановления была создана межведомственная комиссия, поработав в которой В.Г. Распутин понял: «Настроя на серьезную работу нет. ...Министры на заседания комиссии вместо себя посылают замов, «все та же раскачка, раскачка, раскачка, выжидающая, не изменится ли обстановка, чтобы, не дай Бог, не перестараться» (Н.С. Тендитник).

«Мы все на этой земле, при любых должностях и званиях, временны. Вечна Родина. Вот из чего должен исходить истинный патриот» (Распутин В.Г. Патриотизм – это не право, а обязанность), – заключает писатель, пытаясь резонировать своих оппонентов.

Всю хронологию «байкальской эпопеи» В.Г. Распутина можно проследить по книге «Слово в защиту Байкала. Материалы дискуссии», выпущенной в Иркутске в 1987 году и включившей в себя три выступления писателя.

Подготавливается еще один «природоперевоорачивающий проект» – переброски северных рек на юг. В.Г. Распутин с самого начала с теми, кто не приемлет его и выступает с осуждением в прессе. На VII съезде писателей СССР В.Г. Распутин открыто заявляет свой протест по поводу поворота рек и существования БЦБК. Это было официальное обращение от имени группы русских писателей к Политбюро и М.С. Горбачеву, генеральному секретарю ЦК КПСС. Имя В.Г. Распутина, по словам Б. Лапина (писателя и составителя сборника «Слово в защиту Байкала. Материалы дискуссии»), заслонившего собой Байкал в самый ответственный, переломный момент битвы, становится знаменем защитников природы.

С конца 80-х годов В. Распутин активно работает как очеркист и публицист. Появляются его размышления о «Слове о полку Игореве», о Сергии Радонежском, статьи о творчестве

В. Шукшина и А. Вампилова. Этот период жизни Валентина Григорьевича Распутина тесно связан с общественной деятельностью, направленной на решение экологических, нравственных, литературных проблем современности. В это время он был избран депутатом Верховного Совета СССР, являлся членом Президентского Совета.

Судьба БЦБК в течение последующих двух десятилетий решалась неоднократно. Комбинат планировали закрывать, перепрофилировать, не раз возбуждались судебные иски. Наконец, премьер-министр В.В. Путин в сентябре 2009 года принял решение о возобновлении работы комбината, загрязняющего озеро Байкал, подписав распоряжение №1 от 13 февраля 2010 года, по которому отравлять Байкал стало возможно безо всяких ограничений и соблюдения экологических норм. После этого БЦБК начал работу в тестовом режиме. 13 февраля 2010 года в Иркутске состоялась первая массовая акция в защиту Байкала, которая ознаменовала начало протестной кампании по всей России. На защиту озера вышли более двух тысяч человек – жители Иркутска и Иркутской области, экологи, общественные деятели, члены КПРФ, «Яблока», «Солидарности».

В.Г. Распутин написал возмущенное заявление: «...и двадцать лет назад, и сегодня я был и остаюсь противником целлюлозных комбинатов на Байкале, судьбу рабочих нужно решать исходя из судьбы Байкала, а не интересов олигархов. Байкал был дарован Создателем вовсе не для полоскания грязных отходов какого бы то ни было производства».

«БОЛЬ ДУШИ»

Публицистика В.Г. Распутина

1990-х – 2000-х гг.

Сначала Перестройки В.Г. Распутин включился в широкую общественно-политическую борьбу. Писатель протестует против распада СССР, деградации России, разложения государства, предательства культуры и народа. Крылатой формулой контрперестройки стала процитированная В.Г. Распутиным в выступлении на I съезде народных депутатов СССР фраза П.А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

Публицистика становится доминирующей в творчестве писателя, образуя свой план и в его художественных произведениях: повести «Пожар» (1985), рассказах «В одном сибирском городе», «Сеня едет» (1994), «В

больнице», «Женский разговор», «В ту же землю», «По-соседски» (1995), «Видение», «Нежданно-негаданно», «Вечером», «Поминный день» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба», «На родине» (1999), «Под небом ночным» (2002), «В непогоду» (2003), повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003).

После того, как В.Г. Распутин поставил свою подпись под «Словом к народу» (1991), представители либерального русофобского лагеря стали всячески травить писателя, говорить: «Он губит свой талант, он предал свое назначение».

Но, несмотря на все нападки, В.Г. Распутин был и остается совестью и голосом России.

«Правительство наше относится к народу, судьбой которого оно распоряжается, по всему судя, как к инородному телу, не считая нужным вкладывать в него деньги», – говорит Валентин Григорьевич в беседе с В. Кожемяко («Слезы богатых и слезы бедных», в кн. В. Кожемяко «Валентин Распутин. Боль души»). – ...Миллионы воинов [Великой Отечественной войны] знали во имя чего они шли на смерть, и миллионы тыловиков также знали, во имя чего они надрывали жилы. Чтобы спасти Отечество, чтобы было оно на веки ве-

ков. И спасли, оправдав и освятив тем самым великие жертвы. Теперь же, когда Отечество наше во всех его материальных, духовных и нравственных ипостасях извращено так, что и смотреть нет сил, когда тысячелетние его приобретения выбрасываются на свалку или, как вторчермет, идут в переплавку в печах мирового порядка, когда культура отдана в руки разнузданных шоуменов, а образование преобразуется в функциональное натаскивание и программное выскабливание родного духа, когда страна живет не за счет производительного труда, а за счет обкрадывания будущих поколений, когда примерами для подражания становятся не Папанин и Гагарин, а Чубайс и Абрамович, когда... Много таких несчастных «когда», но самое-самое: когда от справедливости остался только пустой звук и поправка она в главном – в изгнании с российской земли духовной нашей Родины.»

«Поправка справедливость» – вот это действительно было, есть и будет неизменным двигателем и публицистики, и прозы Валентина Распутина, заставляющим его братья за перо. Все остальное – производное. Отсюда и «вынужденность» (Панкеев И. «Валентин Распутин: По страницам произведений») обращения Распутина к публицистике, невозможность оставаться равнодушным: «Распутин –

вынужденный публицист, но вынужденность эта не вымученность, а невозможность молчать, мириться, оставаться спокойным в то время, когда глаза видят, уши слышат, душа болит»

Ситуацию, сложившуюся после распада СССР, В.Г. Распутин рассматривает как крушение русского государства и атаку на русскую культуру и русские богатства. Россия принимает чужие права, чужую культуру, язык, экономику, социальное и политическое устройство – «все то, что навязывалось ей на протяжении долгого времени».

Писатель так высказывается в газете «Литературная Россия» (4 янв., 1992) о содержании национальной идеи: «Какая, говорите, идея спасет Россию...ответ, я думаю, содержится в самом вопросе. Какая идея спасет Китай? – Китайская. Японию – японская. Россию может спасти только российская идея. Все несчастья России происходят оттого, что ей никак не дают жить собственной головой...»

Всего за два с половиной года пала Россия, Союз распался на куски, русские оказались брошенными на произвол судьбы. А страна как при «братстве страдала, так страдает и больше всех теряет при разделе. Снова все

издержки за ее счет, снова ее рвут на части и предъявляют права на ее собственность».

В июле 2009 года писатель побывал в Кодинске – городе строителей Богучанской ГЭС. После поездки на смотровую площадку строящейся ГЭС в РДК «Рассвет» состоялась его встреча с читателями. Выступление В.Г. Распутина было опубликовано в районной газете «Советское Приангарье» в статье под названием «Совесьь России».

Писатель вспоминает об уничтожении своей родной деревни Аталанки, о тяжелом и страшном прощании с родиной. В.Г. Распутин говорит о напрасной гибели города, т.к. были уже опыты – строительство Братской ГЭС, Усть-Илимской, Красноярской. Самая мощная оказалась Братская ГЭС, а теперь такая мощность уже не нужна, и дает электроэнергию на две трети. Писатель предупреждает, что то же самое будет и с Богучанской ГЭС, т.к. энергия пойдет не во блага страны, а в Китай. «Скажите, как жить без этих ангарских лесов, без этих дивных по красоте, богатых лесов? А после затопления их не станет». Когда-то гидроэлектростанции строились народом и для народа, а сейчас – олигархи будут торговать энергией «в свой карман».

Глядя на то, что происходит в России, В. Распутин с горечью и сердечной болью говорит: «Наше государство будто разделилось. Если есть где-то нефть, если есть где-то газ или золото, то мы только этим и занимаемся. Ну а где нефти и газа нет, там еще можно землю шевелить, получать какие-то урожаи. Хотя и это необязательно: нефть сейчас не проблема, на нефть можно купить что угодно, тот же хлеб из-за границы привезти. Посмотрите: в последнее время урожаи, несмотря ни на что, у нас все-таки были. Дальше они нас так баловать не будут, без хлебушка-то обходиться будет трудно. Этот хлеб ведь не только в закрома государства предназначался, но и в закрома людей, которые работают на земле.

Нынче положение будет, конечно, тяжелое. С хлебом тяжелое, не с нефтью. С ней положение тяжелым не бывает – протянул трубу и качай сколько угодно. Только что будем делать, когда все выкачаем, – об этом никто не думает. Живем в каком-то обреченном государстве. Богатом, очень богатом – и обреченном.

У нас замечательный президент, его любит весь мир. Он умеет обходиться и с нашими парламентариями, и с народом. Много ез-

дит, немало делает для России, для того чтобы была и торговля, и все остальное. Но делается все это односторонне. Он знает, как получать нефть, газ, знает, где и как зарабатывать деньги и хорошо зарабатывать. Все остальное брошено, в том числе и большая часть российских деревень... Было время, когда деревни обновлялись, люди стали жить лучше. А теперь полный развал и будет покупать землю, если уже не покупает. А это самое страшное, и это нам еще предстоит. На Западе крупные компании уже скупают землю, причем даже тайком от власти – землю стараются продавать так, чтобы никто ничего не знал.

Это, разумеется, дойдет и до нас. Сначала – до Западной Сибири, там земли все-таки побогаче. Но у нас, в Восточной Сибири, земля хороша тем, что находится возле могучих рек, возле прекрасных, не до конца еще вырубленных лесов. Наша земля очень лакомая, она будет скупаться буквально в ближайшие годы. И это последнее, что у нас еще есть.» (Распутин В.Г. «К душе файл не прикрепись»).

РУССКИЙ – ЗНАЧИТ ПРАВОСЛАВНЫЙ

Важным фактором на этапе зрелого творчества является Православие. Распутин обращается к вере осознанно. Сам писатель в одном из интервью в 2006 г. сказал: «Достоевский говорил: «Русский человек – православный человек». Раньше я видел тут какую-то нарочитость, позже стал относиться к этому иначе».

Как указывает И.С. Тендитник, в 1978 г. он принимает Святое Крещение в Ельце от старца Исаакия. Архимандрит Исаакий (И.В. Виноградов, 1895-1981) – участник Первой мировой и Гражданской войн, белоэмигрант, окончивший Православный Свято-Сергиевский богословский институт в Париже и во время учебы

постриженный в монахи митрополитом Евлогием (В.С. Георгиевским). В 1945 г. он был арестован органами СМЕРШ в Праге и осужден за сотрудничество с Русским общевойсковым союзом. Пройдя карагандинский лагерь НКВД и ссылку, поселился в Ельце, стал настоятелем Свято-Вознесенского собора. Таким образом, оказывается значимым не только факт воцерковления В. Распутина, но и сама фигура вероучителя, обеспечивающего прямой контакт с традицией русской религиозной философии, с интеллектуальной традицией Русского Зарубежья (П.П. Каминский).

Неудивительно, что В.Г. Распутину оказалось близко православие. Его героини – старухи 1960-х годов – крестились и молились, и он не находил нужным умалчивать об этом; вера была частью той традиции, которую он всегда защищал в своих произведениях.

В 1988 году в Иркутске начинает выходить газета «Литературный Иркутск». С первых же выпусков ее составитель и редактор писательница В. Сидоренко превращает издание в «Православный Иркутск». В.Г. Распутин входит в редколлегия, он составитель четырех выпусков (а всего их было двадцать пять, газета выходила до середины 1993-го года) и автор

двенадцати очерков. Одновременно с «Литературным Иркутском» эти очерки публикуют журналы «Наш современник» и «Москва», шесть из которых вошли в сборник публицистики «Россия: дни и времена» (Иркутск, 1993). Первый «Из глубин в глубину» посвящен тысячелетию Крещения Руси, обращает читателя к сокровищам духовного опыта народа. Этот очерк помогает ответить на вновь возникшие вопросы: почему Русь выбрала православие в его византийской ветви, чем оно веками питало культуру страны и душу каждого человека.

В.Г. Распутин верит в национальную формулу религии, говорит о том, что «сосудистая система славянина подходила для учения Христа», что русское православие «было свободней, терпимей, идеалистичней» византийского православия, напоминает о сущности его: «любовь – первое слово и дело православия, его знамя» (Распутин В.Г. «Из глубин в глубины»). Писатель утверждает: именно православное религиозное чувство насыщало нашу литературу. В.Г. Распутин предостерегал читателя от опасности потребительства, видя твердый путь в «самостроительстве» на духовных началах, «в опаматовании и просветлении разума: «Коль не забудем, коль подхва-

тим память сознанием, а сознание подхватим действием, значит – живы» (Распутин В.Г. «Из глубин в глубины»).

Божественный мир идеального присутствует в мире писателя без отвлеченного рассуждения, помогая связать вечное с исканиями настоящего. И не случайно в поле зрения попадает одно из самых тяжелых заболеваний русского национального духа – религиозный раскол XVII века, названный им «трагедией народа», как образ молитвенника за землю Русскую преподобного Сергия Радонежского. Этому посвящен очерк «Смысл давнего прошлого» 1989 года, в котором В.Г. Распутин отдает дань благодарной памяти предкам, отказавшимся в XVII веке от измены букве и духу благочестия. Писателя можно было бы упрекнуть в религиозном «фундаментализме», если бы он не был против идеализации раскола, выродившегося со временем в сектантство. Он не уходит от ответа на вопрос, который не давал покоя историкам прошлого: «Что хотела завещать нам старая Русь расколом?». Ответ звучит так: «Что завещала Русь? Самую себя и завещала – себя, собранную предками по черточке, по капельке, по слову и слогу. Свою самобытность и самостоятельность,

свое достоинство и творческие возможности» (Распутин В.Г. «В поисках берега»).

Расколы в России способны повторяться. В.Г. Распутин приводит на этот счет мнение русского философа Н. Лосского, писавшего о расколе интеллигенции накануне революции 1917 года. Время показало, что противостояние «культурно- и вероносительного слоя» в России и тех, кто пытается ее вытеснить, продолжается и «найти золотую середину не удастся» (Распутин В.Г. «В поисках берега»). Очерк «Смысл давнего прошлого» актуален и в наши дни, помогает уловить закономерность событий, которые представляются подчас непостижимыми (Калиуш Е.С. «Анализ проблематики и выявление основных особенностей публицистических статей В.Г. Распутина рубежа XX-XXI вв.»).

Все больше ощущая, как «свежий ветер перемен» превращается в бесовскую круговорот, В.Г. Распутин обращается к тому, что питало душу русского человека в переломные времена, – к святости. Одно из ее воплощений – Преподобный Сергей Радонежский, великий молитвенник за землю русскую. Его образ, насчитывающий 600-летнюю историю

поклонения, представлен в очерке «Ближний свет издалека».

Для В.Г. Распутина важно то, что Сергей Радонежский – святой, пребывающий со своим народом. Он называет Сергия «небесным воителем», который хранился «не в памяти, не в книгах, а в душе», что «Сергий весь был внизу: со всеми и больше всех принимал труды, со всеми голодал, одарял последним и зверя, и странника, никогда не поднимал голос...», не жаждал земных почестей: «Он и похоронить завещал себя на общем кладбище», был не с сильными этого мира, явился опорой для нашего современника. Сергей Радонежский – воплощающая вера и сила национального духа. Он шепнул Дмитрию Донскому, благословляя его на битву с Мамаем: «Ты победишь» – и такая сила была в этих словах, что Дмитрий «больше не позволял себе сомневаться в успехе».

В очерке «Ближний свет издалека» писатель оценивает роковые дни России с позиции духа. Он называет «страшным» век, «каких не водилось и при татарщине», когда «едва не вытравили огнем, разбоем и ругательствами веру, заменяя ее на басурманскую, чего в старину боялись..., а на каинову, при которой брат подбивался на убийство брата и открыто творилось торжище зла».

Вместе с образом Сергея Радонежского придвигается из глубины веков образ Святой Руси. Писатель делится своим представлением о нем. Очерк пронизан заново переживаемым – после предшественников XIX-XX вв. – понятием русскости как «духовной качественности народа», той, в которой «внутренняя свобода была важнее внешней», что «готовила себя к собиранию небесных сокровищ», а не земных и заставляла народ после падения

25 ноября 2006 года. Валентин Распутин на установке колоколов. Харлампиевский храм, Иркутск

подниматься вновь. Писатель говорит и о духовном смысле имени – Святая Русь. «Святая Русь, – пишет В.Г. Распутин, – не значит идеальная. Это примеренные на национальную фигуру сияющие одежды, пришедшиеся в пору, но не воздетые до тех пор, пока последнее не станут первыми. Это литургическое состояние народа, его осознанная цель, заключающаяся в сердечной деятельности, в работе над благополучием духовным» (Распутин В.Г. «В поисках берега»).

Вера самого В.Г. Распутина такова, что он выступает едва ли не визионером, когда ощущает на себе благословение святого.

Ощувив близкое присутствие Сергия Радонежского во время посещения поля Куликова, писатель словно бы получил поддержку Преподобного накануне грядущих испытаний. И не удивительно, что писатель чувствует себя практически самым последним воином в духовном сражении за нравственные основы Руси, ее политическую, религиозную, культурную независимость и самобытность.

Иван Федорович Гончаров, рассказывая о совместном с Распутиным участии в прошедшем в Иркутске традиционном празднике русской духовности и культуры «Сияние Рос-

сии», говорит, что Валентин Григорьевич придавал русской духовности и русскому православию огромное значение в деле возрождения России и русского народа:

«Он ... добавил: «Еще нам надо умерить способность обличать себя, так развитую в Гоголе, Хомякове, Салтыкове-Щедрине... И вести нынешних школьников не столько за Василием Блаженным, сколько за Сергием Радонежским, а на уроках литературы в первую очередь за Федором Достоевским. Это наш до мозга костей гениальный православный писатель. Он тоже изображал пороки русско-

Писатель Валентин Распутин во время Богослужения в Знаменском Кафедральном соборе г. Иркутска во время визита Патриарха Кирилла)

(Фото: Юлия Пыхалова)

го человека, но преобладала-то божественная суть. Наш народ любили многие... но любить так уж любить, – до конца, без оговорок, уметь чують нечто небесное. Кого в этом плане можно поставить рядом с Достоевским? Весьма немногих. Как духовный вождь, Достоевский дал нам указание: стать русскими. А это значит – православными. Только Православие может привести нас к благоденствию и полной непобедимости... Самое вредоносное и разлагающее сейчас – продажное, антирусское телевидение. Останкино надо закрыть. Это – канализационная труба».

«В душу впечатывались слова Валентина Григорьевича, – продолжал И.Ф. Гончаров: – Нас хоронят, но это опрометчиво. Мы крепко ослаблены, но не обезсилены. Есть еще люди. Конечно, это избранные, лучшие русские люди, но ведь таких всегда было мало. Да, потери наши гигантские: развал державы, равнодушие русских к своей русскости, истощанность покровительства славянам, гибель материальных и духовных ценностей. Но Россия жива: возрождающаяся Русская Православная Церковь растит духовное богатство народа, и крепнет духовная сила, от которой явится исцеление и русского народа, и России.

Мы снова впитываем в себя, как наши предки, национальные святыни. Идет – пока еще не массовая – национальная самомотивация.

Россия всегда была сильна крестьянской идеологией – идеологией Православия, государственности, ратного подвига, неиссякаемого трудолюбия, высокого целомудрия. Могло ли все это, формировавшееся столетиями, – исчезнуть? Нет. И хотя за последние 80 лет с лица Русской земли сметено более 17 тысяч деревень, народ проявляет мудрость: занимается самосохранением, отторгая чуждую иноземную псевдокультуру, держит оборону, готовится к бою за государственное и национальное достоинство...»»

В.Г. Распутин последовательно защищает интересы православия.

В 1996 году писатель стал одним из инициаторов открытия Православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы в столь близком ему Иркутске. В 2010 году он вошел в состав Патриаршего совета по культуре Русской православной церкви.

30 июля 2012 В.Г. Распутин высказался в поддержку уголовного преследования известной феминистской панк-группы Pussy Riot. Он вместе с Валерием Хатюшиным, Владимиром

Крупиным, Константином Скворцовым опубликовал заявление под названием «Молчать не позволяет совесть». В нём писатель не только ратовал за уголовное преследование, но и весьма критически отозвался о письме деятелей культуры и искусства написанном в защиту Pussy Riot, назвав их соучастниками «грязного ритуального преступления».

«Увольняю русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

**«УВОЛЬНЯЮ РУССКИХ,
НИЧЕМ НЕ ПОДТВЕРДИВШИХ
СВОЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ»**

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

Период конца 80-х – начала 90-х годов был для России катастрофичен. Это время распада государства, разрушения культуры и нравственности, когда в обществе распространялся нигилизм, утрачивалось чувство гордости и ответственности за свое Отечество. Но одновременно это и время осознания своей национальной идентичности, возрождения русского национального самосознания. Именно поэтому в 90-е годы так остро разворачиваются дискуссии вокруг русской идеи, ставящие вопросы бытия русской нации, ее духа и судь-

бы, именно поэтому последние двадцать лет (1990-е – 2000-е гг.) В.Г. Распутин занимается в основном публицистикой, хотя у него и выходят в свет художественные произведения («Изба», «Нежданно-негаданно», «Земля», «Дочь Ивана, мать Ивана»).

Поздняя публицистика Распутина – антипод его ранней публицистики 50-х – 60-х годов, светлой и оптимистической. Совершился исторический переворот эсхатологического характера, о котором он пророчил все 70-е – 80-е годы. Россия 1990-х годов оценивается В.Г. Распутиным как разрушенная, практически уничтоженная страна. Новая формация трансформируется в мир абсурда.

В публицистике В. Распутина этого периода рассматривается самый широкий спектр общественных проблем: духовно-нравственные, психологические, социально-экономические, демографические и т.д. Кризис национальной самоидентификации («национальные безразличие и вялость», «безнациональный народ») позволяют писателю ставить вопрос о конце национальной истории. С конца 80-х – начала 90-х годов происходит разочарование Распутина в нравственной устойчивости и сопротивляемости народа. Состояние духовной жизни в России осмысливается писателем как за-

«Увольняю русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

кономерный итог нового нравственного упад-
ка, под знаком которого прошел весь новей-
ший период национальной истории. События
«окаянного» века оцениваются В.Г. Распути-

*Валентин Распутин с внучкой, 1991 год.
Самая известная фотография Распутина, заняла
первое место в конкурсе газеты Советская Россия
(Фото Бориса Дмитриева)*

ным как катастрофичный результат растраты накопленного за тысячелетие нравственного запаса народа, когда сам народ, называвший себя ранее «богоносным» и «нравственной крепостью мира», своими же руками уничтожил все свои духовные опоры.

В том, что Россия с конца 80-х вступила в период нового смутного времени, писатель видит вину как предыдущей власти, ответственных за развал СССР, так и международных структур, проводящих политику глобализации, и прислуживающих им внутри страны либералов. Им противостоят последние здоровые силы, еще сохранившиеся в русском народе.

Возможность спасения России писатель видит в защите России от русофобов внешних и внутренних. В.Г. Распутин начал свою борьбу в разгар перестройки. На съезде народных депутатов в 1989 году писатель сказал: «Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики... Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими ...» (Распутин В.Г. Боль наша и вера).

Ирония выступающего – «А может быть, России выйти из Союза?» – потом будет трактоваться как призыв к выходу РСФСР из со-

«Увольняю русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

става Союза, что сам писатель неоднократно опровергал. Противник В.Г. Распутина в 1980-1990-е годы – идеология либерализма, которая, по его мнению, антигосударственна, антипатриотична, антирелигиозна.

Валентин Распутин – народный депутат

Либеральная идеология противопоставляет общечеловеческие ценности патриотизму, а В.Г. Распутин доказывает, что патриотизм – условие спасения государства и народа. «Патриотизм – это не право, а обязанность, хоть и кровная, почетная, но тяжелая обязанность, которую в меру своих способностей и сил должен нести каждый гражданин той земли, что отдана ему под Отечество...» (Распутин В.Г. По Крольскому тоннелю прошел первый поезд). Только народ спасет Россию, по мнению писателя. Но для этого необходимо вести пропаганду, разъяснительную работу, чтобы к руководству местными администрациями пришли патриоты. В.Г. Распутин утверждает, что спасение не надо ждать от Москвы, спасение нужно ждать от регионов, которые будут требовать, нажимать на правительство. И эти требования, в конце концов, придется выполнять: «Патриотам России следует так повести народ, чтобы он не поддался чувству безысходности, а показал свою силу. Патриотам надо показать, что можно выправить положение, показать, что есть сила, которая может взять на себя руководство патриотическим движением».

Общественное сознание России конца ХХ века было больно шизофренией, в нем

«Увольняя русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

произошло «мировоззренческое разъединение общественного мнения, которое нашло свое отражение и в литературной среде», как отмечают многие исследователи.

Лагерю либерал-перестройщиков, которые стремились пустить на слом здание государства Российского, противостояли русские патриоты. В литературе это были писатели-почвенники, делающие акцент на особенностях развития России, сохранении ее традиционных ценностей.

Под почвенничеством в общественно-политических позициях писателей и публицистов подразумевается приоритетное сочетание национальных и христианских традиций. Почвенники XIX века «придерживались идеи о «национальной почве» как основе социального и духовного развития России...как единственно возможного способа сохранения самобытности страны и особого пути ее развития; пытались обосновать мысль об особой миссии русского народа, призванного, по их мнению, спасти человечество» (Философский словарь). Не удивительно, что идеологами почвенничества стали писатели-«деревенщики», объединившиеся вокруг редакций журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва».

В.Г. Распутин стал главным идеологом современного почвенничества. Единственную для России возможность спасения он видит в религиозно-нравственном возрождении. Произведения писателя, его статьи, интервью стали своеобразной программой почвенничества. В.Г. Распутин обращается к своему читателю с помощью художественного слова, которое в публицистике писателя звучит особенно остро и проблемно.

В течение десяти лет, с начала Перестройки и почти до середины 90-х годов, писательское мастерство В.Г. Распутина было отдано публицистике, что было обусловлено создавшейся в стране ситуацией, требовавшей прямого обращения писателя к читателю, активного и актуального взаимодействия между ними.

Публицистика, как способ воздействия на реальность оказался востребованным и писателем, и его читателями, которых не могли оставить безразличными те темы, которые Распутин поднимал в своих публикациях. Творчество писателя становится открытой критикой политической ситуации в России.

В. Распутин объясняет возврат к публицистике следующим образом: «Осмысление

«Увольняя русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

естественного – дело художественного слова, неестественного, силового, требующего немедленного вмешательства, – на первых порах дело публицистики. Публицистикой движет нетерпение, желание быстрого и справедливого результата, по своей природе это самый активный, открытый и мобилизующий жанр».

Прямой разговор о русском национальном духе, который повел В.Г. Распутин и его единомышленники, объединившиеся вокруг журналов «Наш современник», «Москва», некоторых газет, вызвал неприязненную реакцию российских либерал-демократов. Последовали нападки на патриотизм, приравненный к фашизму, в том числе нападки на В.Г. Распутина. Писатель ответил очерком «Из огня да в полымя» (первое название в «Литературном Иркутске» – «Интеллигенция и патриотизм») 1990 года. Очерк содержал острую полемику с одним из «плюралистов» Ан. Стреляным. В.Г. Распутин опровергает многие обвинения оппонента, среди которых одно особенно задевающее. Оно состоит в том, что «он (В.Г. Распутин) позволяет себе говорить о выходе России из СССР». На это писатель отвечает следующее: «Речь идет о словах: «А

может, России выйти из состава Союза?»), сказанных в одном из моих публичных выступлений... Жаль, не дано расслышать Ан. Стреляному в моих словах великую боль и обиду за Россию...на чью голову...вывалились поношения и брань как на главного виновника всех несчастий... Союзу без России не быть...Держава – значит держаться вместе...» (Распутин В.Г. «Веют ли вихри враждебные?»).

Очерк ценен тем, что, помимо спора с Ан. Стреляным и защиты патриотического сознания, содержит настоящее культурно-историческое исследование русской патриотической мысли с привлечением мнений таких писателей и мыслителей, как М. Ломоносов и Г. Державин, Ф. Достоевский и Л. Толстой; Г. Федотов, Н. Бердяев, В. Розанов, И. Ильин.

В.Г. Распутин дает двойственный портрет российской интеллигенции, расколовшейся, как и накануне революции 1917 года, на два непримиримых лагеря. Одна часть – «бунтари»; «она вела и ведет войну с собственной страной», другая живет «не идеями, а идеалами», это «не бунтари, целители национальных язв. Ветвь этой интеллигенции писатель выводит от Сергия Радонежского, Феофана Затворника, Серафима Саровского, Г. Державина, А. Пушкина, Ф. Достоевского, А. Даля...»

После августа 1991 года, когда процессы, ведущие к распаду страны, уже ничем не сдерживались, борьба в писательской среде завершилась отстранением от власти в Союзе писателей СССР патриотов. «21 августа писатели-демократы с Евгением Евтушенко во главе свергли руководство СП СССР, выведя из него авторов «Слова к народу» Юрия Бондарева и Валентина Распутина». Несмотря на «оборону на баррикадах...писатели держались бодро: Ю. Бондарев сказал, что не жалеет о своей подписи под «Словом к народу», а В. Белов заявил, что готов подписаться ним хоть сейчас» (Распутин В.Г. Боль наша и вера.). Это событие в прессе потом назвали «мини-путчем» Е. Евтушенко.

Началась травля писателей-патриотов. В.Г. Распутин не собирался отказываться от своих убеждений, как стойкий борец он пишет о трагедии поражения как об упущенной возможности спасения России.

В статье «Боль наша и вера» писатель говорит о том, как много было сказано слов о предостережениях, сочувствиях и заклинаниях – все впустую, «мы безуспешно пытаемся ухватиться хоть за какую-нибудь опору».

Писателю «как было не всполошиться», наблюдая за «слабеющей хваткой режима,

за духовным оцепенением и за национальной придавленностью русских». Он говорит о том, что опасность гибели России была всегда и остается по сей день. Но чтобы полностью народ уничтожить, достаточно уничтожить его самобытность и индивидуальность, перевернуть с ног на голову ценности, сделать его безразличным к своей общей судьбе. Это тот метод, который «цивилизованный мир» применяет теперь для устранения неугодного ему русского народа с «исторической арены» вместо «насильственных действий».

Но, считает В.Г. Распутин, демократия не может праздновать победу, напротив, «она потерпела первое серьезное поражение, потому что показала себя подозрительной, мстительной, мелкой, развязала «охоту за ведьмами», которая так и не прекратилась, отвергла инакомыслие, установила террор против неугодных, то есть проявила замашки того самого чудовища, против которого она, якобы, и боролась. Нет сейчас у демократии врага более опасного, чем она сама».

В августовских событиях, по мнению В.Г. Распутина, не было победителей. Главные результаты случившегося – «тяжело больной организм, перенеся это потрясение, еще больше утратил самовосстановленные силы».

Так В.Г. Распутин трактует перестройку и последнее событие как бескровное биополитическое покорение страны западной идеологией.

В очерке «Что дальше, братья-славяне?» (1992) В.Г. Распутин, под впечатлением кардинальных изменений на мировой арене, рассматривает внешнюю политику России в соотношении с идеями панславизма. Автор цитирует Ф.М. Достоевского, высказывания которого о взаимоотношениях «братьев-славян» звучат более чем современно. Достоевский прорицает: «...не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными. ...Россия надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае...» Опыт XX века, говорит Распутин, только подтверждает слова Федора Михайловича: «Великий наш писатель как в воду глядел».

В.Г. Распутин выстраивает дальнейший разговор не как обличение народов, отпавших от идеи всеславянского братства, а как

братский призыв к близким по крови людям, напоминая о былом единстве, пытается вразумить, предостеречь. Писатель обращается к идее панславизма, очищая ее от предвзятых мнений: славянофилы вовсе не призывали к слиянию восточнославянского мира, они говорили о «союзе государств» для защиты их общих интересов. Это внешнеполитическая цель обеспечена нравственным и духовным обязательствами.

«Постоять за други своя и вместе с ними углубиться нравственно и возвыситься духовно – это был род спасения души и одновременно, как казалось, исполнения хоть части своего национального призвания». Писатель говорит об исторических ошибках России, навязывавшей свою волю силой оружия в странах Восточной Европы и на Балканах. Но указывает на то, что и самой России была навязана чуждая ей идеология западных социальных учений.

В.Г. Распутин откровенно говорит об ослаблении России под гнетом чуждых ей порядков, которые насаждались в ней, и которые она несла в славянские страны.

Но и при силе и благополучии смогла ли бы она удержать кого-либо возле себя? У писателя нет иллюзий на этот счет. Славянство

«Увольняя русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

разобщено разнохарактерностью, а главный разлад несет «дух времени», дух «материального поклонения» – и это дух мирового порядка, который распространяется все дальше на Восток. Писатель обращается к братьям по бывшему союзу с призывом вспомнить о духовном родстве, зная, что «таким языком – от сердца к сердцу, общим для нас – и надо говорить друг с другом». Он верил, что славянство – это особый склад ума и чувство природной общности.

Судьба России и судьба славянства едины, считает В.Г. Распутин: спасется Россия, спасется и славянство, и потому «не милости просим мы, но трезвости и зрячести. Ибо вопрос: что дальше, братья-славяне? – стоит так: быть или не быть славянству».

Октябрь 1993 года поставил страну на грань новой гражданской войны. Писатель был уверен, что страна идет к «тоталитарному режиму, благодаря президенту, который за два с половиной года разрушил Союз, «оставил без Родины десятки миллионов русских». Он «разрушил централизованное и дееспособное управление страной, разрушил государственную собственность, снес порядок, препятствовавший расхищению российских

материальных, духовных и природных богатств, распустил законность, без которой не держится никакое, даже пиратское государство» (Распутин В.Г. Идущие на гибель, приветствуют тебя, президент, 1993).

А оппозиционные патриотические силы виноваты в том, что не создали оперативную организацию, «включившую бы в себя жаждущих действия», которых было немало. Именно патриотизм являлся единственной идеей, которая должна была «призвать в свои ряды целую армию народа». Но фронт национального спасения не смог свои идейные разногласия подчинить общему делу. Это является бедой русского человека – неумение объединяться до тех пор, пока не прижмут так, что дыхания не хватает, считает писатель.

Кроме оппозиции, виновата интеллигенция, «едва тронутая культурой, с укороченной, без прошлого памятью, бесчувствительная к корням». На интеллигенцию работников СМИ, публицистов, историков и экономистов, по мнению В. Распутина, ложится ответственность за идеологическое обеспечение всех разрушительных действий по ослаблению государства, за оправдание грабительской приватизации. Защита прав человека – идеология этой прозападной интеллигенции – стала

оправданием всей внешней и внутренней политики нового режима. Интеллигенция, считает Распутин, антигосударственна и безответственна, вненациональна и недальновидна.

Ведущим и основополагающим понятием в системе ценностей, утверждаемой писателем, является понятие долга. Нравственные нормы носят абсолютный характер и реализуются в жизни отдельного человека через совесть, которая понимается писателем как моральное предписание, возникшее и хранимое в культурно-историческом опыте народа, открытом онтологии. Категория долженствования приобретает два вектора и понимается, во-первых, как исполнение родового (природного) предназначения, во-вторых, как исполнение социально-исторического предназначения. Передача принципов долженствования и регулирующих их моральных предписаний (совести) от поколения к поколению – это сущность и миссия коллективной памяти, памяти народа.

Долженствование распространяется на весь род (народ), на каждого его представителя и целое поколение. С завершением одного поколения долг передается следующему, а неисполнение ныне живущим поколением

долга перед родом (народом) обесценивает этическое служение предков, поэтому память является условием бытия как отдельного рода, так и народа, бесконечного, устойчивого самовоспроизводства и более – исторического развития.

С этим понятием долга перед своим народом связано категоричное распутинское «Увольняю русских, ничем не подтвердивших свою национальную принадлежность», сказанное им уже в наши дни.

Выход для страны и народа В. Распутин видит не в новой экономической программе и не в новой системе политического устройства страны. Он предлагает начинать с воспитания любви к Отечеству и сам активно включается в эту работу. Он категорически отрицает «новые» «ценности» массовой культуры и общества потребления, которые навязываются россиянам, возглавляет противостояние этому разлагающему русскую душу процессу. Писатель говорит в одном из интервью: «Я чувствую себя естественно именно в этой обстановке, в этой работе, в этом сопротивлении, я себя чувствую именно самим собой. А что значит перевернуться, как говорят извратиться? Это человек стал другим человеком. Он или предал себя, или был неискренним когда-то».

Для В. Распутина проблема нравственности является основной, потому что только решив ее, можно предотвратить деградацию личности, остановить вымирание народа. В его современных произведениях, статьях, интервью отражается потребность российского общества проговорить и осмыслить те изменения человеческой психологии, взаимоотношений между людьми, которые происходят сейчас в России. Он постоянно подталкивает своего читателя, слушателя к осознанию смысла жизни, без чего невозможно нравственное очищение и возрождение народа.

Смысле жизни – это именно то, что так неустанно и мучительно постигают герои и героини повестей и рассказов В. Распутина, в которых мы находим ситуации, близкие к современной жизни, и они помогают нам понять всю сложность стоящей перед нами проблемы.

Характерной для современного периода творчества В. Распутина стала его повесть «Мать Ивана, дочь Ивана» (2003), героиня которой, защищая поруганную честь семьи, убивает насильника своей дочери. Корреспондент спрашивает автора: «Не является ли этот женский образ неким символом, неким прообразом будущего – через боль и страдание – возрождения России?»

На что Валентин Распутин отвечает: «Символом ее назвать, наверное, нельзя, но такие люди, которые могут постоять за себя, за своих близких, за Россию, безусловно нужны.

Здесь еще вот что нужно понять: в этой повести нет расизма, нет ксенофобии, которые кое-кто пытается мне приписать. Я нередко задаю себе вопрос: испытываю ли я какие-то недобрые чувства к людям других национальностей? Наоборот, ловлю себя на том, что отношусь к ним так же, а порой и лучше, чем к русским. Мне приходилось жить среди бурят, якутов, тунгусов. Мы дружили, были и недо-разумения, конечно, но все как-то быстро и безболезненно улаживалось.

А тут... Посмотрите, Тамара убивает азербайджанца, изнасиловавшего ее дочь. Но она видела: его вот-вот отпустят, видела, как он дал следователю деньги, и понимала: ее дочь никому не нужна. Между прочим, и следователь, и прокурор, защищавшие насильника, – русские. Моя героиня идет против всей этой мафии, и убийство, на которое она решается, – крайняя форма протеста против установившегося порядка, коррупции, несправедливости».

Для Распутина русский, «по большому счету не национальность. Достоевский говорил:

«Русский человек – православный человек». Раньше я видел тут какую-то нарочитость, позже стал относиться к этому иначе.

Особенно теперь, когда столько русских погибает с дури – не зная себя, не помня себя и не веря в себя. И может, никогда так и не побывав русскими. Ну записали им национальность, поставили печать в паспорте. А кроме этого они ведь ничем себя не показали русскими людьми.

Сейчас пришло время показывать лучшие качества русского человека: умение работать, умение постоять за себя, понимать, что происходит в стране, и защитить, когда потребуются, свою Родину. Это первые качества русских. Если они ими не обладают – я все-таки увольняю таких людей.

Нам нельзя жить с закрытыми глазами. Русские должны хорошо понимать, какая сила выступает сейчас против России во всем мире и что можно ожидать от своих «друзей», которые могут оказаться опаснее врагов.

Разбираться нужно еще вот в чем: сегодня богатые люди готовы то храм построить, то еще что-то. Искренне ли это или просто для того, чтобы откупиться? Кто-то усыновляет ребятшек. В самом ли деле для спасения детей или с какими-то своими целями?

Сейчас люди все могут, знают все машины, механизмы, а душа человеческая часто безграмотная. Душа не разбирается ни в чем, у нее файла нет, и его в душу не вставишь. Надо иметь и опыт, и чутье, и точное понимание жизненных ценностей.

Человек, ценящий жизнь больше, чем те машинки, которые нас окружают, это и есть, по-моему, русский человек».

От политики к нравственности – так можно было бы охарактеризовать кратко вектор современного развития деятельности В.Г. Распутина. Е.С. Калиуш назвала даже распутинскую публицистику последнего десятилетия «проповеднической». Действительно, выступления В. Распутина последних лет как жанр во многом соответствует проповеди. «Проповедь предполагает адресность высказывания, отзывчивого слушателя, читателя. Закон проповеди – грация, восхождение смысла» – пишет исследовательница.

Именно в соответствии с этим каноном и выстроены выступления В.Г. Распутина на Русском Национальном Соборе – съезде наиболее активных представителей русских диаспор и религиозно мыслящей интеллигенции

«Увольняя русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

современной России. Этот съезд проходит раз в два года в Храме Христа Спасителя и Валентин Григорьевич принимает в нем самое непосредственное участие.

Он выступал на каждом из прошедших заседаний Всемирного Русского Собора. Часть из них проводилась в период, когда президентом был Б. Ельцин, а часть – при президентстве В. Путине. Собранные вместе эти речи дают развернутый обзор самых важных проблем современной истории.

В первом своем выступлении «Так создадим же течение встречное» (июнь 1992) В.Г. Распутин призывал к духовному и гражданскому сопротивлению деморализующей политике властей. Писатель говорил о том, что в стране нет единой системы власти. А только «много специалистов самого высокого класса, занятых не обезболиванием, обездоливанием» (Распутин В.Г. В поисках берега.). Русский человек, говорит В.Г. Распутин, обладает чувством национального самосознания, ответственностью, сплоченностью. Именно к этим качествам апеллирует писатель.

Темой второго выступления «Путь спасения» (1995) является судьба народа, его внутренний потенциал. Народ, несмотря на рав-

нодушное отношение власти, на нравственное падение, сохраняет «и целомудрие, и здравый смысл, и чувство самосохранения».

На V Всемирном Соборе (1999 г) был подведен итог XX веку. И здесь писатель продолжает говорить о духовной и нравственной несостоятельности власти: «Власть, отдавшаяся беспримерному стяжательству, надувательству, бросившая народ на растерзание нищете, преступности ... – это не власть, а напасть» (Распутин В.Г. Запрягли или не запрягли?).

В своем выступлении В.Г. Распутин подчеркивает, что носителем народного сознания является народ, и так определяет эту социальную категорию: «это трудящаяся, говорящая на родном языке, хранящая свою самобытность часть нации» (Там же).

«Народ он свой, а живет стороной» – выступление писателя на VI съезде (2001 г), в котором он говорит о том, что за десять лет ничего не изменилось. Россию продолжают грабить, превращают в «дикое поле» (Распутин В.Г. В поисках берега.). В стране торжествует глобализация, т.е. «закон естественного отбора и ступенчатого выживания» (Там же). Инструмент покорения населения – угроза голода и «милосердное» окормление тех, кто

«Увольняя русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

согласен играть по правилам новой рыночной морали. «Хлеб занимает главенствующую роль, им шантажируют и выдают индульгенции на жизнь» (Там же).

«Шлемоносцы» – так называлось выступление В.Г. Распутина на IX Всемирном Народном Соборе, посвященное 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. (2005 год). Начинает свою речь писатель со слов философа И.А. Ильина, которые стали пророческими новой «трагедии жертвы» (Распутин В.Г. В поисках берега.). Ставя рядом два исторических подвига народа – на поле Куликовом и на полях Великой Отечественной, писатель говорит о бессмертии народа в неразрывной связи поколений, о духовной силе Святой Руси, силе, не иссякнувшей до сороковых годов XX века. Победа добывалась в таких схватках прежде всего самоотверженностью, «когда тебя, как индивида... словно бы и нет, а есть мгновение, которое сильнее тебя и в которое ты или

успеешь, или не успеешь сделать спасительный для победы рывок...» (Там же).

О поклонении родной земле говорит В.Г. Распутин на V Всемирном Народном Соборе (2006). Он защищает от предательства истоки национальной жизни – деревню и язык. Именно с деревни начинается язык и отечество, уверяет писатель. Оттуда пошли обычаи и традиции. По мнению Распутина, деревня всегда «была фундаментом России, тылом настолько бескрайним и могучим».

Писатель дает оценку сегодняшнему положению языка и деревни. Язык уже почти не развивается, а впитывает иностранные слова, которые так срастаются с русским языком, что мы и «сами не всегда способны замечать заимствования» (Распутин В.Г. В поисках берега.). А деревня оказалась разрушенной, обесчещенной, вывернутой наизнанку и брошенной на свалку, которая занимает теперь пол-России.

В.Г. Распутин считает, что можно было бы все повернуть назад, но во власти нет такого человека, который мог бы защищать национальные интересы.

Таким образом, политику Б.Н. Ельцина, как и политику В.В. Путина, В.Г. Распутин не

считает национально ориентированной, способной спасти Россию. Русского народа как единого целого не существует. Сегодня власть волнует, по мнению писателя, прежде всего самоутверждение, выражающееся в многочисленных предвыборных компаниях.

Распутин старался быть объективным в оценке текущей истории, он отмечает, что при В.В. Путине появились небольшие перемены в лучшую сторону: страна расплатилась с внешними долгами, частью – с внутренними (правда, это результат высокой цены на газ и нефть), дала льготы старикам, появилась программа, поощряющая деторождение. Но он предъявляет власти те же претензии, что и Б.Н. Ельцину:

- 1) продолжающаяся деградация культуры,
- 2) забвение национальных традиций, т.е. нравственной проповеди в искусстве,
- 3) попустительство предательству родного языка – несмотря на год русского языка,
- 4) разрушение образовательной системы,
- 5) попустительство коррупции.

Оценка В.Г. Распутиным современного состояния России негативна: он не видит сил, которые могли бы защитить национальные интересы страны и ее культуру. Продолжается

разграбление и разбазаривание национальных богатств. В.Г. Распутин – сторонник авторитарного национального государства, защищающего русский народ от чуждого засилья в экономике и культуре.

По мнению писателя, основа всякой культуры – история. Обращаясь к истории, В. Распутин исследует самый широкий круг вопросов – национально-историческое предназначение России, сущность русского национального характера и т.п. Он говорит об активном, героическом потенциале русского национального характера, опровергая распространённые за рубежом и среди либералов предвзятые представления о пассивной созерцательности и слабых характеристиках русского человека.

В национальной истории В.Г. Распутина интересуют следующие вехи: монголо-татарское иго и Куликовская битва, Смутное время, церковный раскол, петровские реформы, наполеоновское нашествие 1812 года и Бородинское сражение, Октябрьская социалистическая революция и гражданская война 1918-1920 годов, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в 1926-1938 годах, Великая Отечественная война. Кризисные моменты национальной истории рассматриваются им в этическом аспекте. Логика истории представляет последовательность

сменяющих друг друга нравственных падений и подъемов. Объяснение этому В.Г. Распутин находит в природе русского национального характера – сочетание святости и юродства. По В.Г. Распутину, в русской душе заложен как потенциал духовного саморазрушения, так и потенциал органического сопротивления происходящим внутри и вне него негативным процессам.

В национально-исторической концепции В. Распутина ведущим фактором формирования русского характера является православие. В статье «Из глубин в глубины» (1988), посвященной тысячелетию Крещения Руси, писатель отмечает предрасположенность славянина к православной вере. Историческое значение Крещения, с точки зрения В.Г. Распутина, состояло в обретении русским народом цели своего исторического бытия – духовно-нравственного совершенствования. Как существенное обстоятельство отмечается ненасильственный способ введения христианства на Руси. Природно-космический лад души русского человека не был им нарушен, а взаимодействие христианства и языческого мироощущения обусловило формирование русского типа ментальности, определило направление его дальнейшего развития.

Обращение В.Г. Распутина к историческому прошлому России мотивировано ситуацией последних двух десятилетий XX века. Проводя исторические аналогии, писатель стремится выяснить причины наблюдаемого им в современной России кризиса, а также найти и указать соотечественникам способы его преодоления. В системе взглядов В. Распутина современное общество переживает ситуацию комплексного кризиса.

Когда писатель разделяет судьбу своего народа и становится выразителем его духа, когда он ищет и находит ответы на главные вопросы времени, когда возвращает сокровенный смысл словам: Родина, совесть, истина, память, свобода, – тогда он обретает значение национального писателя и его имя становится символом ценностей, которые он защищает. И тогда его литературное творчество сопрягается с общественной деятельностью.

Сейчас, в новом тысячелетии, значение творчества В.Г. Распутина становится ясным все его значение для нас: голос писателя, обличающий несправедливость, ложь, безответственность, звучит громко и авторитетно. За категоричностью его суждений сегодня, наконец, разглядели патриотизм, за нетер-

«Увольняю русских, ничем не подтвердивших
свою национальную принадлежность».

В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг.

пимостью – право на собственную позицию. Всею жизнью В.Г. Распутин доказал свою непримиримость, жесткость, неподкупность, независимость от властей, и то, что нынешняя власть ищет у него поддержки, красноречиво говорит о значимости авторитета В.Г. Распутина у общественности, с одной стороны, и несостоятельности либеральной идеологии в России – с другой.

«РАСПУТИН – МОЯ ГЛУБОКАЯ И ТРЕПЕТНАЯ ЛЮБОВЬ»

Директор учебно-методического Центра этнонационального образования Российского государственного педуниверситета им. А. Герцена, создатель Всероссийского движения «Русская современная школа», профессор И.Ф. Гончаров вспоминал о днях, проведенных вместе с В.Г. Распутиным в Иркутске и о вопросах. Которые он задавал великому русскому писателю: «Валентин Григорьевич по-сыновьи любит русскую землю, вот почему он не только писатель, но деятельный защитник сибирской природы. Как энергично он сражался за Байкал! Только в часы сна меня покидает мысль о гибели России и русского народа – как итог примерно трех веков борьбы темных сил против нашей Родины. До XX века

этот процесс шел медленно, до 80-х годов прошлого столетия движение убыстрилось, а в последние 15-20 лет истребление идет гигантскими шагами. Впечатление такое: проснемся завтра – Русского человека нет, есть лишь среднеевропеец. Есть ли еще возможность сохраниться нам?»

На что Валентин Григорьевич ответил ему: «Есть! Да, прервано наследование великих традиций, вытравливается духовный смысл русского искусства, уродуется наша национальная педагогика, силой насаждается наднациональное, глобальное, космополитическое. Но более тысячелетия складывалась русская национальная культура и самобытная русская душа. Это – крепкая душа, поверьте. Даже за столетия истребить ее оказалось невозможно. Всем патриотам предстоит незамедлительно – без каких бы то ни было условий – объединиться для сопротивления всему антирусскому. Наш творческий национальный потенциал весьма значителен и не исчерпан».

И как подтверждение этих слов звучат присланные после показа на телевидении документального фильма, посвященного 75-летнему юбилею В.Г. Распутина, письма и телеграммы читателей:

«Распутин – моя давняя глубокая, теплая и трепетная любовью. Его «Прощание с Матерой» в нашем кругу зачиталось до дыр. Сколько мудрости, человечности, тепла в этом человеке с байкальских берегов. И как знаменательно его долгое, длиной в четверть века, молчание. Спасибо за встречу с великим (на фоне нынешних пигмеев) современником, удивительным человеком, за возможность взглянуть его пристальным взглядом на наш мир и время».

«После передачи нахожусь под впечатлением. Живем в Красноярском крае, а знать не знали, что Кежмы и Кежемского района, которые всегда были на слуху, больше нет. Поинтересовалась у сослуживцев – тот же результат. Только горестно повздыхали. В советское время затапливали территории, чтобы родную страну обеспечить энергией, опять же непродуманно и грубо, а сейчас свои земли губим, чтобы торговать с Китаем. Как больно... Спасибо, что сибирские реки не повернули в сторону центральных территорий!»

«Человек, которого хочется слушать и слышать! Единственный по – настоящему жи-

вой человек – как же больно было ему в этом путешествии по родной Ангаре! Безо всякого пафоса – он совесть нации! Его тихий голос отдавался в моём сердце сотней иерихонских труб! Здоровья и душевных сил Вам, Валентин Григорьевич!»

«Нельзя, чтобы все за что и с чем боролись В. Астафьев, В. Белов и В. Распутин – кануло в небытие и было забыто современниками и не представляло интереса для будущих потомков. Потеря этого не позволит будущему поколению осознать историю России (все ее муки и радости) и воплотить свои стремления к ее созиданию, а не к разрушению».

В оценке творчества Валентина Григорьевича Распутина и его роли народного трибуна и пророка в своем Отечестве, с читателями солидарны и ведущие деятели русской культуры. Многие из них посвятили Валентину Григорьевичу проникновенные строки:

Валентину Распутину

*На родине, как в космосе, не счесть
огня и леса, камня и простора,
всё не вместишь, не потому ли есть*

*у каждого из нас своя Матёра,
своя Ока, где тянет холодок
в предзимний день от влаги загустевшей,
где под ногой еще хрустит песок,
крупнозернистый и заиндевевший...
Прощай, Матёра! Быть или не быть
тебе в грядущей жизни человеческой –
нам не решить, но нам не разлюбить
твоей судьбы, непостижимо вещей.
Я знаю, что необозрим народ,
что в нём, как в море, света или мути,
увы, не счесть... Да будет ледоход,
да будут после нас иные люди!
Прощай, Матёра, боль моя прощай,
прости, что слов заветных не хватает,
чтоб вымолвить всё то, что, через край
переливаясь, в синей бездне тает...*

Станислав Куняев

* * *

Распутина можно считать и счастливым, и несчастливейшим.

Счастливейшим потому, что, одаренный огромным литературным талантом, а также целеустремленным сибирским, воистину же-

лезным характером, он вошел в литературу как бы без видимых усилий. Шагая по ступеням своих повестей (одна лучше и выше другой), он стал виден со всех концов света: к нему пришла мировая известность. Сколько раз приходилось замечать, как после опубликования произведения или книжки стихов литератор мельтешит, суетится, рассылает десятками экземпляры своей книжки критикам, в редакции газет, звонит по телефону, чтобы хоть словечко написали где-нибудь о его книжке. Не спрашивал, но убежден, что Валентин Распутин не сделал за всю жизнь ни одного такого звонка. Все пришло к нему само, как и его – повторим – огромное литературное дарование. Для Распутина его повести и есть его поведение, а его поведение – это его повести. Ну, прибавим сюда: еще его блестящие очерки, статьи, общественные устные выступления. Ничего лишнего, пустопорожного, мелкотравчатого. Все в цель, в точку, в дело и ради дела. А дело выпало горькое, трудное. Потому и несчастливейший. Велико ли счастье смотреть почти беспомощно, как терзается родная мать, а потом отдавать ей последний поклон и последнее целование?

Таких писателей, как Валентин Распутин, таких своих сыновей народ и рождает для того, чтобы не забыть своего прошлого, трез-

во оценить настоящее и не потерять надежды
на будущее.

Владимир Солоухин

* * *

Трудно и почетно быть на Руси писателем!

Я и не заметил, почти не заметил, как Валя Распутин оказался Валентином, а теперь вот и Валентином Григорьевичем. Все помнил его круглолицым, вроде бы и с румянцем, с юношески округленными бровями и юношеской же, даже скорее подростковой, фигурой, подобранной, как бы стянутой опояской-кушаком. И вдруг однажды, совсем недавно, увидел широкого в крыльцах, крепко рубленого, осадистого сибирского мужика с чуть качающейся, косолапящей походкой, знакомой мне с детства.

Я же горжусь тем, что моя родная Сибирь, реализуя свой могучий потенциал, вложила все лучшее, что в ней накопилось, в достойное дитя свое, во вместительное и мужественное сердце. Насколько хватит его, этого сердца, тихо любящего и могуче бьющегося в борьбе

за лучшее в нас, за чистоту душ и помыслов наших, за спасение земли нашей, в особенности за родной сибирский край? Хотелось бы, чтоб хватило сил и сердца большого художника как можно надолше. Всегда помню и никогда уже не забуду его глаза. Что-то недореченное, невыраженное таится в глубине их. Какая-то постоянная, бездонная грусть светится во взгляде, будто постиг он или приблизился к постижению неведомого еще людям страдания и готов пострадать за них и покаяться, облегчить их долю и жизнь, приняв боль земную, все тяготы человеческие на себя.

Ах, как трудно и почетно быть на Руси писателем! Настоящим. Ему всегда и всех больнее. Он от веку обречен на мучения и подвиг духа, на совесть, взыскующую добра, на вечное стремление к идеалу. И, сжигая себя в муках творчества, в борении со словом и за слово, он обречен страдать больше всех и за всех, живущих на земле.

Виктор Астафьев

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ В.Г. РАСПУТИНА

1937, 15 марта – родился в посёлке Усть-Уда Иркутской области.

1954 – оканчивает школу и поступает на первый курс историко-филологического факультета Иркутского университета.

1955 – знакомство с Александром Вампиловым, поступившим на первый курс историко-филологического факультета ИГУ.

1957 – Распутин начинает работать внештатным корреспондентом газеты «Советская молодежь».

1957, 30 марта – в газете «Советская молодежь» появляется первая публикация В. Распутина «Скучать совсем некогда».

1958 – публикации в газете «Советская молодежь»

1959 – заканчивает пятый курс историко-филологического факультета ИГУ. Работает в газете «Советская молодежь». Под газетными публикациями появляется псевдоним В. Карирский.

1961 – в альманахе «Ангара» впервые опубликован рассказ Распутина («Я забыл спросить у Лешки...»). Распутин увольняется из редакции газеты «Советская молодежь» и поступает на должность редактора литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения. В газете «Советская молодежь» (12 февраля, 17 сентября), в альманахе «Ангара» начинается публикация рассказов и очерков будущей книги «Край возле самого неба».

1962 – Распутин увольняется с Иркутской студии телевидения и работает в редакциях разных газет («Советская молодежь», «Красноярский комсомолец», «Красноярский рабочий» и др.) В августе этого же года Распутин принят на должность литсотрудника газеты «Красноярский рабочий» в Красноярске.

1964 – в газете «Восточно-Сибирская правда» опубликован рассказ «Человек с этого света».

1965 – в альманахе «Ангара» опубликован рассказ «Человек с этого света». В этом же году Распутин принимает участие в Читинском зональном семинаре начинающих писателей, встречается с В. Чивилихиным, отметившим талант начинающего автора. В газете «Комсомольская правда» опубликован рассказ «Ветер ищет тебя». В журнале «Огонек» напечатан очерк «Разъезд Стофато».

1966 – в Красноярске выходит книга очерков «Костровые новых городов», в Иркутске – книга «Край возле самого неба».

1967 – публикуется повесть «Деньги для Марии», принесшая писателю известность. Распутин принят в Союз писателей СССР.

1968 – писателю присуждена комсомольская премия имени И. Уткина.

1969 – начало работы над повестью «Последний срок».

1970 – публикация повести «Последний срок», которая принесла широкую известность автору.

1971 – поездка в Болгарию в составе клуба советско-болгарской молодежной творческой интеллигенции. В Новосибирске (Западно-

Сибирское книжное издательство) в серии «Молодая проза Сибири» выходит книга «Последний срок» с послесловием С. Викулова, принесшая Распутину всемирную известность. Награжден орденом Знак Почета.

1974 – выходит в свет повесть «Живи и помни».

1976 – выходит повесть «Прощание с Матёрой». В это же году Распутин совершает поездку в Финляндию по приглашению шведского семинара по вопросам литературы и культуры. Затем он едет в Федеративную Республику Германию на книжную ярмарку во Франкфурте-на-Майне. За границей на разных (английском, немецком, французском, итальянском, литовском, венгерском, польском и др.) языках печатаются произведения Распутина.

1977 – в Московском театре им. М.Н. Ермоловой ставится спектакль «Деньги для Марии» по одноименной повести. В МХАТе поставлен спектакль «Последний срок» по пьесе В. Распутина. За повесть «Живи и помни» присуждена Государственная премия СССР.

1978 – Распутин принимает крещение в Ельце. Крестит писателя старец Исаакий,

много скитавшийся за рубежом после революции. В пору эмиграции был одним из руководителей Богословского института в Париже. Вернувшись на родину после войны, прошел через лагеря и ссылку и на закате жизни поселился в Ельце. Здесь он стал центром притяжения паломников со всей России.

В этом же году на экраны страны выходит телевизионный фильм К. Ташкова «Уроки французского» по одноименной повести Распутина.

1979 – поездка во Францию.

1981 – награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1983 – поездка в Федеративную Республику Германия на встречу, организованную клубом «Интерлит-82».

1984 – награжден орденом Ленина

1984 – поездка в Мексику по приглашению Института изящных искусств.

1985 – избран членом Правления Союза писателей СССР и РСФСР

1985 – поездка в Канзас-Сити (США) по приглашению университета. Чтение лекций о современной прозе.

1986 – поездка в Болгарию, Японию, Швецию.

1986 – звание Почётный гражданин Иркутска

1987 – Государственная премия СССР присуждена за повесть «Пожар».

1987 – награжден званием Герой социалистического труда и орденом Ленина Поездка в Западный Берлин и в ФРГ в составе делегации, изучающей проблемы экологии и культуры.

1989 – публикация в газете «Правда» (18.01.1989) письма с осуждением либеральной позиции журнала «Огонек».

1989-1990 – Народный депутат СССР

1990 – подписал «Письмо писателей России» («Литературная Газета», 1990, 2 мая)

1990-1991 – член Президентского совета при президенте СССР М.С. Горбачеве

1991 – подписал обращение «Слово к народу»

1992 – лауреат премии им. Л. Н. Толстого

1994 – выступление на Всемирном русском соборе («Путь спасения»).

1994 – Лауреат премии Фонда развития культуры и искусства при Комитете культуры Иркутской области

1995 – решением Иркутской городской Думы В.Г. Распутину присвоено звание «Почетный гражданин города Иркутска». По инициативе писателя и администрации г. Иркутска состоялся первый праздник «Дни русской духовности и культуры «Сияние России»», который с этого времени стал проводиться в Иркутске ежегодно, а с 1997 года – по всей области.

1995 – Лауреат премии им. Святителя Иннокентия Иркутского

1995 – Лауреат премии журнала «Сибирь» им. А. В. Зверева

1996 – московские школьники и студенты гуманитарных вузов выступили главными арбитрами в присуждении В.Г. Распутину Международной премии «Москва – Пенне».

1997 – В. Распутину присуждена премия Фонда Святого Всехвального апостола Андрея

Первозванного «За веру и верность». В этом же году выходит двухтомник избранных произведений В.Распутина.

1998 – присвоено звание Почётный гражданин Иркутской области

1999 – выступление «Унесенному – прощай?» в Италии на Международной конференции по проблемам современного мира и прогнозам на будущее.

2000 – присуждена премия им. Солженицына.

2001 – подписал Обращение 43-х «Остановить реформы смерти».

2002 – награжден орденом За заслуги перед Отечеством IV степени.

2002 – на праздновании Первых Международных дней Ф. Достоевского в Эстонии В.Г. Распутину присуждена премия Ф. Достоевского. В том же году принимает участие во Всемирном Русском Народном Соборе. Текст выступления опубликован в «Русском Вестнике» и «Родной земле».

2002 – Русская православная церковь наградила В. Г. Распутина одним из высших знаков отличия – орденом Преподобного Сергия Радонежского II степени.

2003 – лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

2004 – лауреат премии им. Александра Невского «России верные сыны».

2005 – лауреат Всероссийской литературной премии им. Сергея Аксакова

2005 – лауреат премии «Лучший зарубежный роман года. XXI век»

2007 – награжден орденом За заслуги перед Отечеством III степени

2010 – лауреат премии Правительства России за выдающиеся заслуги в области культуры

2010 – назначен членом Патриаршего совета по культуре Русской православной церкви.

2011 – награжден орденом св. Александра Невского

2011 – лауреат премии Международного фонда единства православных народов

2012 – лауреат премии «Ясная поляна»

2012 – прошла конференция «Валентин Распутин и вечные вопросы» в рамках книжной ярмарки «Книги России»

2012, 15 марта – 75-летие со дня рождения, поздравление премьер-министра Правительства Российской Федерации В.В. Путина.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1957

Скучать совсем некогда // Сов. молодежь.
1957. 30 марта.

1958

Познакомьтесь: Николай Дементьев //
Сов. молодежь. 1958. 9 дек.

1959

Разговор с собственной совестью // Сов.
молодежь. 1959. 17 марта.

1961

Женился парень на доярке // Сов. моло-
дежь. 1961. 14 янв. Подпись: В. Каирский.

Спят под снегом поля // Сов. молодежь. 1961. 1 янв. С. 2. Подпись: В. Каирский.

Я забыл спросить у Лешки...: Рассказ // Ангара, №1, 1961.

1963

Весна в распахнутых руках // Краснояр. комсомолец. 1963. 8 марта.

Далеко от Сибири до Крыма // Краснояр. комсомолец. 1963. 24 мая.

За поездом поезд // Краснояр. комсомолец. 1963. 1 мая.

Имени отца // Краснояр. комсомолец. 1963. 26 сент. Подпись: В. Каирский.

Костровые новых городов // Краснояр. комсомолец. 1963. 29 сент.

Приказа отступить не было // Краснояр. комсомолец. 1963. 13 нояб.

Продолжение саянской легенды // Краснояр. рабочий. 1963. 20 окт.

Сибирский Первомай // Краснояр. комсомолец. 1963. 4 мая.

Сколько стоит счастливое солнце // Краснояр. комсомолец. 1963. 19 мая.

1964

Внуки партизан // Краснояр. комсомолец.
1964. 19 янв.

Ну, здравствуй, дорога // Краснояр. ком-
сомолец. 1964. 5 февр.

Ты пламя берешь рукою // Краснояр. ком-
сомолец. 1964.13 сент.

Честное слово рыбинцев // Краснояр.
комсомолец. 1964. 3 янв.

1965

Встреча

Дай руку, Тайшет! // Краснояр. комсомо-
лец. 1965. 29 янв.

По Крольскому тоннелю прошел первый
поезд // Краснояр. комсомолец. 1965. 24 янв.

Разъезд Стофато// Огонек. 1965. № 14.

Слет первопроходцев // Краснояр. комсо-
молец. 1965. 7 марта.

Слушайте, Абакан и Тайшет // Краснояр.
комсомолец. 1965. 27 янв.

Там, за Кролом, восток // Краснояр. ком-
сомолец. 1965. 31 янв.

1966

Рудольфио // Ангара, № 2, 1966.

В Саяны приезжают с рюкзаками // Распутин В. Край возле самого неба. С. 9.

Василий и Василиса // Литературная Россия, 27.01.1967

Костровые новых городов: Очерки. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1966.

Край возле самого неба. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966.

От солнца до солнца // Распутин В. Край возле самого неба. С. 15.

1967

Деньги для Марии // Ангара, 1967, № 4.

Деньги для Марии // Сибирские огни, 1967, № 9

Человек с этого света: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1967.

1970

Последний срок: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970.

1972

Вниз и вверх по течению: Повести. М.: Сов. Россия, 1972.

1973

Уроки французского // Советская молодежь, от 18, 21, 23.08.1973

1974

Живи и помни // Наш современник, № 10, 1974; № 11, 1974.

1975

Деньги для Марии: повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975.

1976

Быть самим собой / Беседу вел Е. Осетров // Вопросы литературы. 1976. № 9.

Прощание с Матёрой // Наш современник, № 10, 1976; № 11, 1976.

Повести. М.: Молодая гвардия, 1976.

1977

Болезнь человеческой болью.../Беседу вела Н.С. Тендитник // Сов. молодежь. 1977. 29 нояб.

1978

Живи и помни: Повесть, рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978.

Повести. М: Сов. Россия, 1978.

Повести. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1978.

1980

Повести. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1980.

1981

Байкал, Байкал...: Очерк // В. кн.: От Байкала до Амура. М., 1984, с. 185-191.

Много дела на земле / Беседу вел Э. Максимовский // Студ. меридиан. 1981. № 2.

Прощание с Матерой. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии: Повести. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1981.

Уроки французского: Рассказ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981

Уроки французского: Рассказ. М.: Сов. Россия, 1981.

Что передать вороне? Рассказ // Сибирь, № 5, 1981.

1982

Век живи – век люби // Наш современник,
№ 7, 1982.

Век живи – век люби. М.: Молодая гвардия, 1982.

Край возле самого неба. М.: Малыш, 1982.

Наташа: Рассказ // Советская культура от
10.03.1982.

Не могу-у...: Рассказ // Советская молодежь, 15.07.1982.

Четыре повести. Л.: Лениздат, 1982.

1983

В некотором царстве, в некотором государстве: [Предисл.] // Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1983.

На реке Ангаре: Рассказ. М.: Малыш, 1983

Повести. Минск: Беларусь, 1983.

Прощание с Матерой: Повести и рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983.

Сибирь без романтики // Сибирь. 1983.
№ 5

1984

Вверх и вниз по течению // Природа и человек. 1984. № 11.

Земля Родины. М.: Малыш, 1984.

Избранные произведения в 2-х т. М.: Молодая гвардия, 1984.

Родина – изначально / интервью вел А. Клейн // Сов. молодежь. 1984. 13 нояб.

Повести. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984.

Повести и рассказы. М.: Современник, 1984.

1985

Пожар: Повесть // Наш современник, № 7, 1985.

1986

Пожар: Повесть, рассказ. М.: Правда, 1986.

Уроки французского: рассказы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986.

1987

В тайге над Байкалом. М.: Малыш, 1987.

Душа крепка корнями... / Беседу вел Г. Бутаков // Вост.-Сиб. правда. 1987. 15 марта.

Повести. Алма-Ата: Казахстан, 1987.

Слово в защиту Байкала. Материалы дискуссии / под ред. Ю. Бондарева, В.Г. Распутина. Иркутск, 1987.

Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.

1988

Из глубин в глубины // Литературный Иркутск. 1988. Декабрь.

Патриотизм – это не право, а обязанность // Правда. 1988. 24 июня.

Слово о патриотизме // Сибирь. 1988. № 6.

Что передать вороне: Рассказы. М.: Дет. лит., 1988.

1989

Выступление на съезде народных депутатов СССР // Литературная газета. 1989. 14 июня.

Повести. Минск: Народная асвета, 1989.

Прощание с Матерой. Пожар: повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.

1990

Видя вокруг прозрения слепых... // Лесная газета. 1990. 29 нояб.

Пожар: Повести. М.: Сов. писатель, 1990.

1991

Боль наша и вера // Литературная Россия. 1991. 20 сент.

На Индигирке, рядом с океаном // Розовая чайка. 1991. № 1.

Пожар; Тропа: повести / В. Г. Распутин, С. Жунусов. Алма-Ата: Жалын, 1991.

Последний срок; Прощание с Матерой; Пожар: повести / В. Г. Распутин. М.: Современник, 1991

Слово к народу // Советская Россия. 1991. 23 июля.

1992

Ближний свет издалека: О Сергии Радонежском // Север. 1992. № 5.

Символ державности // Литературная Россия. 1992. Янв. С.6.

1993

Идущие на гибель, приветствуют тебя, президент // Наша земля. 1993. 22 нояб.

Живи и помни: повести. М.: Голос, 1993.

Россия: дни и времена: публицистика. Иркутск: Письмена, 1993.

1994

Собрание сочинений: В 3 т. М.: Вече-АСТ, 1994.

Собрание сочинений: В 3-х т. М.: Мол. гвардия, 1994.

1995

Женский разговор; По-соседски: рассказы // Москва. 1995. №7.

В одном сибирском городе: рассказы // Роман-газета. 1995. №17. С. 1-44.

В ту же землю: Повесть. Рассказы. М., 2001

Красный день // Очаг. 1995. №6.

Путь спасения // Литературная Россия. 1995. № 6.

1996

Поминный день // Роман-газета. 1996. № 11.

1997

Избранные произведения: в 2 т. М.: Современник; Братск: ОАО Братсккомплексхолдинг, 1997.

Видение: Рассказ // Москва, № 4, 1997.

Мама куда-то ушла: Рассказ // Сибирячок. 1997. №3.

Нежданно-негаданно: рассказ // Наш современник. 1997. №5.

Отчие пределы: рассказы // Москва. 1997. №3.

1998

Громкое имя – Сибирь // Москва. 1998. №7.

Новая профессия: рассказ // Наш современник. 1998. №7.

1999

Звездное имя – Пушкин // Роман-газета XXI век. 1999. №8.

Изба: Рассказ // Наш современник, № 1, 1999.

Имеет силу национального пароля: К 100-летию Л. Леонова // Роман-газета XXI век. 1999. №8.

На родине: Рассказ //Сибирь. 1999.

Тихая его родина // Беседу вел Н. Савельев // Рос. газ. 1999. 6 нояб.

Что передать: Рассказ //Сибирячок. 1999. №5.

2000

А куда в России подевалось родство // Москва. 2000. №7

Видимое и невидимое: Выступления на X съезде Союза писателей России (нояб. 1999) и на V Всемир. Рус. Нар. Соборе (дек. 1999) // Наш современник. 2000. №2.

Запрягли или не запрягли? // Вост.-Сиб. правда. 2000. 22 янв.

Сибирь, Сибирь... Иркутск: ООО «Артиздат», 2000.

У нас – Поле Куликово, у них – «поле чудес» // Час России: журнал. 2000. № 1.

2001

В ту же землю: Повесть, рассказы / В.Г. Распутин. М.: Вагриус, 2001.

Веют ли вихри враждебные? / Беседа гл. ред. журн. «Сибирь» В.В. Козлова с В.Г. Распутиным // Сибирь. 2001. №5.

Видение: Очерки. Рассказы. Иркутск: Изд-во «Облмашинформ», 2001.

Из осколков целое и живое // Сибирь. 2001. № 6.

Мы не предали крепостей, на которых стоит Россия: Выступление на X съезде Союза

писателей // В кн.: Россия – последняя крепость. Книга 2. М.: Слово, 2001

Нежданно-негаданно: повесть и рассказы. М.: Детская литература, 2001.

2002

Живи и помни: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2002.

Нежданно-негаданно: повесть и рассказы. М.: Дет. лит., 2002.

2003

Дочь Ивана, мать Ивана: повесть // Наш современник. 2003. № 11

Дочь Ивана, мать Ивана: повесть // Сибирь. 2003. № 4.

Новая профессия: рассказ // Проза новой России: в 4 т. Т. 3. М.: Вагриус, 2003, 431 с. Сведения об авт.: с. 425-429.

Повести. Рассказы. В 2 тт. М.: Дрофа, Вече, 2003.

2004

В непогоду: Рассказ. // Русское поле, <http://belsk.ruspole.info/node/2825>

Деньги для Марии. М.: Эксмо, 2004.

Дочь Ивана, мать Ивана: сб. Иркутск, 2004.

Дочь Ивана, мать Ивана: повесть. М.: Молодая гвардия, 2004.

Дочь Ивана, мать Ивана: повесть // Путеводная звезда. 2004. №3.

Последний срок: сб. повестей. М.: Молодая гвардия, 2004

2005

Байкал предо мною...: (отрывок из очерка) // Сибирячок. 2005. № 4.

2006

Последний срок: диалоги о России. 1993–2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста / Распутин В., Кожемяко В. 2-е изд. М.: Воскресенье, 2006.

2007

В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007.

Собрание сочинений в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

Цена жизни // Правда. 2007. № 2.

2008

В бедности жить не грех // Аргументы и факты. 2008. № 12.

2009

Совесьь России // Советское Приангарье. 2009. 15 июля.

2010

Главную нравственную роль сейчас играет женщина / Беседовала Ксения Зимина // Парус, http://www.hrono.ru/proekty/parus/rasp_parus.php

Что передать вороне; Женский разговор; Нежданно – негадано // Литературные жемчужины. Иркутск – Байкал. Избранные произведения сибиряков. Иркутск, 2010.

2012

Молчать не позволяет совесть / В. Крупин, К. Скворцов. В. Распутин, В. Хатюшин // Русская линия; http://ruskline.ru/news_rl/2012/07/11/molchat_ne_pozvolyaet_sovest/

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Агеносов В.В. «Живи и помни»: повести Валентина Распутина // Агеносов В. В. Литература народов России XIX-XX веков: учеб. пособие для 10-11 кл. М.: Просвещение, 1995.

Басинский П. Memento mori. В. Распутин, большой и маленький // Лит. газ. 1992. № 44 (5421). 28 окт. С. 4.

Беляков С. Живи в России // Урал. 2004. №3;

Большакова А. О вечно-девичьем в женской душе // Литературная учеба. 2002. №1.

Бондаренко В. Господи, поверь в нас... // Континент. 1992. №70.

Быков Д. Зори над распустьями // Новый мир. 2004. №4;

Быков Д. Слезный дар. Поздний Распутин // Литературная газета. 1998. 23 сент. С.7.

Валентин Григорьевич Распутин: библиогр. указ. / Сост. Э. Д. Елизарова; науч. ред. Н.С. Тендитник. Иркутск, 1986. 188 с.

Валентин Григорьевич Распутин: биобиблиогр. указ. / сост. Г.Ш. Хонгордоева, Э.Д. Елизарова с участием Л.А. Казанцевой; науч.-библиогр. и техн.-библиогр. ред. Л.А. Казанцевой; ред. Л.В. Войлошникова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

Вахитова Т.М. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Том 3. П-Я, с. 164-169.

Вильчек Л.Ш. «Деревенская проза» // Современная русская советская литература. В 2 ч. Ч. 2: темы: проблемы: стиль: кн. для учителя / Г. А. Белая, А. Г. Бочаров, В. Д. Оскоцкий и др.; под ред. А. Г. Бочарова, Г. А. Белой. М.: Просвещение, 1987.

Вуколов Л. Никто не проживет твоей жизни вместо тебя: о повестях Валентина Распутина // Вуколов Л. Поговорим об истинных

ценностях: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1992.

Дырдин А.А. Диалектика памяти: человек и время в повести В. Распутина «Живи и помни» // Современный советский роман: философские аспекты. Л.: Наука, 1979.

Ермакова М.Я. Традиции Горького и Достоевского в социально-философской повести В. Распутина «Живи и помни»: почему не трагичен образ Гуськова? // Ермакова М.Я. Традиции Достоевского в русской прозе: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990.

Залыгин С. Повести Валентина Распутина // Залыгин С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Рассказы. 1981-1989. Литературно-критические статьи. М., 1991. С. 446.

Золотусский И.П. В свете пожара. М., 1989.

Каминский П.П. Время и бремя тревог: публицистика Валентина Распутина. Москва: Флинта; Наука, 2012.

Кожемяко В. Валентин Распутин. Боль души. М., Алгоритм, 2007.

Кокшенева К. Границы судьбы // Москва. 2004. №2.

Колобаева Л.А. Распутин-рассказчик // Русская словесность. 2002. №2;

Котенко Н.Н. Валентин Распутин. Очерк творчества М.: Современник, 1988. 188 с.

Кузнецов Ф.Ф. Народное и патриархальное // Кузнецов Ф.Ф. Самая кровная связь: судьбы деревни в современной прозе: кн. для учителя. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1987

Курбатов В. Валентин Распутин: личность и творчество / В. Курбатов. М.: Сов. писатель, 1992. – 176 с.

Курбатов В. Диагноз (О новом романе В.Распутина) // Литературная учеба. 2004. №3.

Курбатов В. Правда памяти и память правды // Распутин В. Г. Нежданно – негаданно: повесть и рассказы. М.: Дет. лит., 2001.

Курбатов В. Предчувствие // Наш современник. 1992. №1.

Курбатов В. Слово о В.Распутине на вручении премии А.Солженицына // Русская провинция. Новгород. 2000. №3.

Лапченко А.Ф. Человек и память в повестях В. Распутина / А.Ф. Лапченко // Человек и

земля в русской социально-философской прозе 70-х годов. Л., 1985. С.7.

Литературно-критическая конференция по новой повести Валентина Распутина // Русский писатель. 2004. №3. С.1, 4-9.

Нива Ж. Валентин Распутин // Сибирь. 2002. №1.

Образы старух в творчестве В. Распутина // Сб. ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. Вып. 15. Махачкала, 2005. С. 151-153

Панкеев И.А. Валентин Распутин: По страницам произведений. М.: Просвещение, 1990.

Панкеев И.А. Постоянство: читая публицистику В.Г. Распутина // Дон. 1989. № 4. С.163-169.

Перевалова С.В. Повести В.Г. Распутина: автор и герой: («Прощание с Матерой», «Живи и помни», «Пожар»): Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2000. С. 103.

Попова И.В. Публицистика В.Г. Распутина в свете истории «Русской идеи» // Вестник ТГУ. 2001. Выпуск 4-24. С. 56-60.

Проблема экологии в творчестве В. Распутина II Сб. ст. Ассоциации молодых ученых

Дагестана. Вып. 16. Махачкала, 2005. С. 129-131.

Проблемы экономики в творчестве В. Распутина // Сб. ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. Вып. 14. Махачкала, 2005. С. 83-88.

Своеобразие очерка «Русское Устье» В. Распутина // Вопросы дагестанских языков и литературы. Сб. ст. Вып. II. Махачкала: ДГПУ, 2005. С. 143-145.

Селезнев Ю. О прозе Валентина Распутина последних лет // Роман-газета. 1984. №17.

Семенова С.Г. Валентин Распутин. М.: Совет. Россия, 1987. 175 с.

Сергеев М. Валентин Григорьевич Распутин [Вступ. ст.] // Валентин Григорьевич Распутин: Библиографический указатель. Иркутск, 1986. С. 11-12.

Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186-189.

Старцев А. Русский писатель на краю русской земли // Москва. 2002. №3.

Сухих И. Однажды была земля // Звезда. 2002. №2.

Тендитник Н.С. Валентин Распутин. Колокола тревоги. Очерк жизни и творчества. М., 1999;

Тендитник Н.С. Валентин Распутин. Очерк жизни и творчества / Н. С. Тендитник. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 232 с.

Тендитник Н.С. Искусство – случившаяся реальность: вопросы художественного творчества публицистики В.Г. Распутина // Сибирь. 1980. № 1. С.124-136.

Тендитник Н.С. Ответственность таланта: (о творчестве В.Г. Распутина). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 111 с.

Тендитник Н.С. Судьба Сибири – личная судьба: О творчестве Валентина Распутина. Красноярск, 1985. С. 9.

Тендитник Н.С. [Валентин Григорьевич Распутин]: Факты биографии и творчества // Русский Востокъ. Иркутск, 2002. № 11 (178). 15 марта.

Теракопян Л. Повести Валентина Распутина // Распутин В.Г. Живи и помни: повести. М.: Известия, 1977.

Урманов А.В. Поэтика прозы В. Распутина: (психол. анализ, традиции и новаторство):

автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
16 с.

Чалмаев В. Вверх и вниз по течению «деревенской прозы». // Русская литература XX в. Ч. II. М., 1994. С. 311.

Чатшаев В.А. «Молений и молний взаимная сила» // Литература в школе. 2004. №6.

Шахерова О.И. Распутин в школе. М., 2004.

Якунина Г. Листвень. Ретроспективный синтез женских образов в прозе Валентина Распутина. 28.10.2008

Яновский Н.Н. Писатели Сибири. М., 1988.

ЭКРАНИЗАЦИИ

1969 – «Рудольфио», реж. Динара Асанова

1969 – «Рудольфио», реж. Валентин Кулев (студенческая работа во ВГИК)

1978 – «Уроки французского», реж. Евгений Ташков

1980 – «Прощание», реж. Лариса Шепитько и Элем Климов.

1980 – «Продаётся медвежья шкура», реж. Александр Итыгилов.

1981 – «Василий и Василиса», реж. Ирина Поплавская

2008 – «Живи и помни», реж. Александр Прошкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Жить по совести 3
- Пророк в своем Отечестве 42
- «Певец крестьянской Атлантиды» 55
 - «Василий и Василиса» 66
 - «Деньги для Марии» 71
 - «Последний срок» 76
 - «Живи и помни» 85
 - «Прощание с Матёрой» 99
 - «Пожар» 108
 - «Женский разговор» 113
 - «В ту же землю» 118
 - «Дочь Ивана, мать Ивана» 124

- «Костровые новых городов». Публицистика В.Г. Распутина конца 50-х – 60-х гг. 126
- Битва за Байкал. Публицистика В.Г. Распутина конца 70-х – 80-х гг. 137
- «Боль души». Публицистика В.Г. Распутина 1990-х – 2000-х гг. 160
- Русский – значит православный 167
- «Увольняю русских, ничем не подтвердивших свою национальную принадлежность». В.Г. Распутин в 1990-х – 2000-х гг. 179
- «Распутин – моя глубокая и трепетная любовь» 210
- Основные события жизни В.Г. Распутина 218
- Основные публикации 228
- Критика и литературоведение 244
- Экранизации 252

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

Нелли Гореславская

Виктор Чернов

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Русский гений

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»*

*Использованы фотоматериалы:
<http://valentinrasputin.blogspot.ru/>*

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 8.
Тираж 3000 экз. Заказ М-1709

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

Отпечатано в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

**Свободная
Пресса**
www.svpressa.ru

